

ЗА РОДИНУ

№ 4 (404)

Четверг-Пятница, 6/7 января 1944 г.

Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Петров. Редакции в Пскове и Риге. Адрес: Рига, ул. Рихарда Вагнера 57. Деньги за подписку — 16 руб. в месяц (с доставкой по почте) и деньги за объявления (плата за стандартное объявление 30 руб.) переводить почтовым денежным переводом по адресу: Postscheckamt Riga, Konto 337 («Sa Rodinu»)

Вл. Соловьев

Великое не тщетно совершилось,
Не даром средь людей явился Бог,
К земле не даром небо приклонилось,
И распянулся Вечности чертог...

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Мужество жизни

Влад. Деспотули

Храбрость необходима не только солдату. Она необходима всем. Без мужества все остальные добродетели — ничто. Если нет мужества, теряют свою цену доброта, милосердие, мудрость, труд, постоянство, честь. И в наши страдные дни, больше мужества требуется для жизни, чем для смерти. Русскому человеку смерть никогда не была страшна; его научили мужеству подвигу, мужеству жертв, мужеству умирать, отняв и вытравив мужество жить.

Сегодня, когда христианская Церковь празднует рождение Того, Кто для утверждения жизни «смертию смерть поправ», сегодня обращаются наши сердца к дорогой родине, к России, к той России, что гнала о себе грядями общественных идеологий, набегавших одна на другую посменно через каждые почти десять — двадцать лет, которая гнала о себе слезавыми слезами народников и страницами книг, писанных Толстым, Некрасовым, Горьким, которая гнала о себе грязной русской цивилизации, выброшенной, как зная.

Не зажгутся свечи на елке нынешней России. Вместо России — сейчас еще смердящий пустырь. Да, много разрушено и много накинано грязи, но как же не видеть теперь, что и раньше Россия была в известном смысле пустырем, только окна, выходящие на пустырь рука интеллигента завешивала розовой кисейной занавесочкой, Россия была пустырем, с сочной, плодотворной, счастливой землей, но сор и грязь глушили побеги, загнивали в почве разопревшие корни.

Мужество должно отличать не только солдата, — оно необходимо и журналисту, любящему свой народ, свою родину, и потому призванному в ночь рождения Того, Кто в мир пришел, чтобы видеть Правду, найти в себе силы и крикнуть: «Верю, верю, верю!» Верю даже теперь, в самые дремучие минуты, когда, казалось бы, трудно дышать, когда, кажется, дьявол замазывает последнюю шелку в ставне русской тюрьмы.

Это мужество заставляет сказать, что мы никогда не имели гражданственности. Со времен пылких декабристов народ стали притягивать за бороду к каждой революционной вспышке. А он безмолствовал, как в эпизоде «Годунова». Школ бы нужно, а в Россию пустили максимализм, который тотчас же и опоганился. Кудлатые молодые люди говорили о выдуманном народе, помирали за него, эмигрировали, вдевали шею в петлю.

Россию мог бы спасти патриотизм, но откуда ему было взяться. Престол бывал нередко окружен сиятельными предателями, интеллигенция боялась слова родина, а мужик знал себе деревеньку свою, и ее, деревеньку, любил. А над всем незримо корчился в судорогах торжествующего смеха, в предвкушении созревающей победы Вечный Жид.

Самобытная нация с мощной душой хватала идеи справа и слева, подавляя безграмотностью и ложным стыдом собственные сокровища. Ведь

(Окончание см. на 2-ой стр.)

Сотрудники редакции газеты «ЗА РОДИНУ» сердечно поздравляют читателей с великим днем становления христианской Истины и православной Веры.

За девятнадцать веков не в первый раз уже враги Христа протягивают к Церкви свои грязные хищные руки; не в первый раз попирается Дьявол на алтарь лучших человеческих идеалов, надежд и устремлений. Отгуляв жестокою двадцатипятилетней тризну в России, смутив умы миллионов людей, распяв священников и разрушив православные церкви наши, он оказался бессилем овладеть до конца Церковью духовной.

Пусть, ураган революции и войны разметал многих из нас по чужбине; пусть, разлучил он нас с милыми и дорогими сердцу ншнему; пусть, в каждой семье, в каждой душе гнездится горе или заботы; пусть, — с тем большим упованием обращаемся мы сегодня к Тому, Кто утвердился в русской душе, как символ национальной непобедимости. Ибо немислимо русское начало без Веры православной. И мы, прошедшие через тяжчайший иску, обрели снова право и возможность безхитростно исповедывать Веру, подобны волхвам, влекомым к Великой Кольбели самых трепетных и чистых чаяний. Путеводной звездой послужит нам национальная идея. Она выведет нас на правильную дорогу возвращения в лоно Христа и Родины!

Александр Перфильев

СВЯТКИ

Снег, в вечернем сумраке белея,
Одевает город в кружева.
Даже грусть становится светлее
В этот тихий праздник Рождества.

Есть ли нынче елка в доме каждом,
Есть семья, иль нету никакой, —
Но в сочельник все мы нежно жаждем
На минуту обрести покой.

Снег ложится на лицо, на плечи
Точно мягкий яблоневый цвет...
В памяти встают былые встречи,
Лица тех, которых с нами нет.

Кажется, что, вот, приблизясь к дому,
У крыльца, что снег заporoшил,
Сердце вдруг наполнится истомай,
Встретишь ту, которую любил.

Ведь сегодня Рождество и святки,
Не забыла, милая, пришла,
Дрогнет ручка в белянкой перчатке,
И ресниц взметнутся два крыла.

Обдавая снежною пургой,
Нас качает святочная ночь.
Как поет бубенчик под дугой
И несется тройка во всю мочь!

Только слышен мягкий дробный топот,
Свист полозьев, с козел крик —
«Ба-луй!»

Неразборчивый бессвязный шопот
И морозный жгучий поцелуй.

Ноги греет нам медвежья постель,
Да и так мороз не страшен нам...
Тех ночей влюбленную веселость
Никому на свете не отдам.

Эти тройки с гиком пролетели,
Утопили в сумрачной дали,
Бубенцы о счастье прозвенели,
Молодые годы отошли.

И в сочельник приближаясь к дому,
У крыльца, что снег заporoшил,
Как то просветленно, по иному,
Вспомнишь ту, которую любил...

Не жалея, не тоскуя даже, —
Никому два раза не цвести —
Улыбнешься и тихонько скажешь, —
До свиданья, милая, прости.

Ведь с тобою мы не виноваты,
Что не длились святки много лет,
Что не вечно падает крылатый,
Снежный нежный яблоневый цвет.

Хорошо, что память сохранила
То, что так не хочется забыть,
Хорошо, что это счастье было,
Ведь оно легко могло не быть.

Снег в вечернем сумраке белея
Убирает город в кружева.
Даже грусть становится светлее
В этот тихий праздник Рождества.

Милый друг, хоть ты давно не рядом,
Но в сочельник, сидя у огня,
Мяжко затуманившимся взглядом
Вызови виденья прежних дней.

И смотря, как оплывают свечи,
В зеркалах качая бледный свет,
Вспомни святки, ласковые встречи,
И того, кого с тобою нет...

И пускай прошедшее далеко,
Но оно воротится, звеня —
И тогда, быть может, без упрека
Ты, родная, вспомнишь про меня.

Рис. Земляк.

Мужество жизни

(Начало см. на 1-ой стр.)

это величайший символ: богатая земля, дающая низкий минимум, богатая душа, почти не выявленная!

Лишь потому, что тело народа ничем не было склеено, так прочно и успешно разрослась большевистская крапива на месте былой державы.

Русский, по существу безгосударственный, из века в век владеемый народ, исторически наказан своим нынешним правительством - рабовладельцем, которому дал затянуть себя в ремни и поныне сбросить не может. Уйдя из рабства на свободу, русский народ из свободы сделал привычное рабство, позволив даже своему опереточному герою, первому любовнику революции — Керенскому, обронить вешую фразу о «взбунтовавшихся рабах».

Но для жизни требуется больше мужества, чем для смерти; а для того, чтобы сказать эту выстраданную правду, нужно больше храбрости, чем для того, чтобы ратовать о восстановлении сословных привилегий и старой орфографии.

Нужно мужество и для того, чтобы сказать: несмотря на все, я целую твои рубища, Россия, потому, что ты родила меня на черноземе твоих курганов, под музыку волн Черного моря; я люблю тебя потому, что ты — моя родина, шальной кровью твоей я заражен и брежу... Я прикрываю раны твои, язвы и паразиты, потому что ты моя мать, сестра моя и невеста нецелованная. Потому что ты — единственная, за кого умереть я готов, имя твое благославляя.

Крепче воля и зорче взгляд! В эту Святую ночь нельзя не верить, что Россия встанет, встряхнется и пойдет плечо о плечо с Новой Европой. У народа, себя самого высекающего, есть, тем не менее, будущее и задатки, на которых будущее это будет расти.

Народ, которого всегда учили мужеству смерти, найдет в себе мужество жить. Народ сядет, наконец, в свои сани. Гикнет размахистая тройка, зазвенят залихватные бубенцы, запоет колокольчик под росписной дугой, и шало, и свежо, и бодро ударит в лицо морозный ветер. Новые тугие пути пролягут по снегам России, на солнце пьяно сверкнут следы санных полозьев. О вольной тройке все думы наши, и наша надежда и любовь наша!

Влад. Деспотули.

Тяжелые бои у Житомира

Ночной налет на Лондон

Главная ставка Фюрера, 3 января. Верховное командование германских вооруженных сил сообщает: У Николаевского предместного укрепления и юго-западнее Днепропетровска бои заметно ослабли. Слабые неприятельские атаки успеха не имели. К югу и юго-востоку от Житомира в упорных боях отражены сильные советские атаки. Уничтожено много неприятельских танков. Советские попытки произвести обходные маневры западнее города, отражены. Дальше, на северо-западном направлении, германские войска ведут тяжелые бои с наступающим противником. У Витебска, в ожесточенных боях

отражены сильные советские атаки местного характера. Германские войска отбросили назад ворвавшегося было в немецкие позиции противника, несмотря на его ожесточенное сопротивление.

На остальных участках восточного фронта, местами при сильной метели, происходили бои лишь местного характера.

На южно-итальянском фронте день прошел спокойно.

Во время ночного налета, тяжелых германских боевых самолетов на базу неприятельского снабжения Августу (Сицилия) подожжено грузовое судно средней величины и склады материалов, а так же разрушены портовые сооружения.

Английские террористические бомбардировщики, воспользовавшись облачностью, произвели вчера очередной террористический налет на жилые кварталы Берлина. Кроме того, отдельные бомбы сброшены в некоторых местностях западной Германии. Согласно поступившим до сих пор сообщениям, ночные истребители и зенитная артиллерия уничтожили 31 четырехмоторный неприятельский бомбардировщик. Около полуночи, германские самолеты совершили налет на Лондон.

Накануне решительных событий

Шанхай, 3 января.

К Новому Году газета «Шанхай Таймс» поместила статью, в которой говорится, что грядущие события предопределены уже неуклонно крепнущей армией Японии. «В первый год войны, — пишет газета, — из когтей американских хищников вырвана вся восточная Азия, во второй год Япония закреплялась в оккупированных ею областях. Третий год войны должен принести окончательные результаты. Все попытки Америки изменить ход военных событий терпят поражения, как это было у Джильбертовых островов, например. Япония и ее союзники выйдут победителями».

„Крайне рискованная операция“

Опасения английской печати

Стокгольм, 5 января.

В связи с новыми назначениями в английских и американских армиях, печать противников снова подробно разбирает возможности англо-американского десанта в Западной Европе, а также выражает свое разочарование безуспешностью воздушного террора по отношению к Германии.

Лондонское радио заявляет, что террористические налеты даже в отдаленной степени не достигли своей цели — сломить сопротивление Германии. С другой стороны германская противовоздушная оборона значительно усилилась.

По мнению английской печати решительные удары с воздуха можно будет нанести лишь после того, как будут устранены германские истребители. Но в этом отношении не следует создавать себе иллюзий, так как сила и боевой дух немецких летчиков непоколебимы и справиться с германской авиацией далеко не просто.

Лондонская печать полна статьями, указывающими на огромный риск, связанный с возможной высадкой англо-американских войск на континент. В 1914 и 1939 году Франция являлась как бы продолжением Англии и английские войска сражались на подготовленном европейском театре военных действий. Теперь же поле сражения должно быть создано с помощью крайне рискованной десантной операции, что, разумеется, не-

обычно увеличивает затруднения англо-американцев.

Гибель эсминца

Стокгольм, 4 января.

Военное министерство США сообщает, что у южного побережья Новой Гвинии погиб американский эсминец «Перкинс». Гибель судна в Вашингтоне объясняют столкновением с другим пароходом.

Неудача противника у Витебска

Большевики потеряли 626 танков

Тяжелые бои, происходящие у Витебска, велись за последнее время преимущественно с северной и северо-западной стороны города. В течение первых дней нового года эти бои несколько ослабли, так как советские войска, вследствие необычайной потери, понесенной ими за последнее время, вынуждены были начать перегруппировку своих сильно поредевших стрелковых дивизий и танковых бригад.

С середины декабря, советские войска днем и ночью почти бесперывно бросались на германские позиции и с отчаянным напряжением пытались овладеть городом. До сих пор, однако, все их атаки, поддержанные крупными танковыми силами и штурмовой авиацией, оставались безуспешными. Многие советские соединения в

одной только атаке теряли до пятидесяти процентов своего состава; от некоторых же полков осталось лишь по несколько человек. Тем не менее, советское командование продолжало гнать на немецкий фронт подкрепление за подкреплением, не приближаясь ни на пять к намеченной ими цели — окружить город.

Ожесточенность боев, происходивших в этом районе, характеризуется высокими советскими материальными потерями. С 13 декабря по сей день они лишились здесь 626 танков, что соответствует, примерно, шестнадцати танковым бригадам. Не менее велики так же потери другого оружия и военного материала. Только за последние пять дней уничтожено 25 советских орудий, 46 противотанковых пушек, 42 пулемета и 4 самолета.

Северо-западнее Витебска в бой вступил германский бронепоезд, разгромивший и отогнавший советское кавалерийское соединение, пытавшееся перерезать железнодорожную линию на Полоцк.

Другие немецкие части, при поддержке артиллерии и танков, ликвидировали советскую попытку обойти немецкие позиции с тыла и выйти на дорогу, соединяющую Витебск с Городком во время снегопада.

За последнее время, советские атаки заметно ослабли; в наступление переходили лишь роты и изредка батальоны. Следует, однако, полагать, что неприятель, едва ли оставил свою надежду окружить Витебск и отрезать находящиеся там немецкие силы.

ГЕРОЙ ПОДВОДНОЙ ВОЙНЫ

Капитан Вольфганг Лют

Вольфганг Лют — это имя хорошо известно каждому германскому моряку. Он является единственным представителем германского военного флота, который удостоен высшей воинской награды за храбрость — бриллиантами к дубовому венку с мечами к Железному Кресту Рыцарской степени. В настоящей статье мы приводим беседу с Лютом о его подвигах на морях.

Передо мной Вольфганг Лют. В лучах яркого солнца искрятся бриллианты, гордо украшающие орден Железного Креста на его груди. Он высок ростом и сухощав. На его высокий открытый лоб спадает прядь темных волос. На меня смотрят энергичные и вместе с тем добрые сероголубые глаза. Весь облик молодого офицера выражает уверенность и спокойствие.

Много пришлось пережить Люту за 622 проведенных им в море дня. Эта суровая школа выковала в нем несокрушимую волю и железную твердость.

Если подводная лодка находится в открытом море 6—8 или даже 10 недель, то команда ее все же не теряет внутренней связи с землей, с родиной. Но Лют и его моряки в продолжении многомесячных рейсов являлись как бы обитателями какой-то другой планеты. Эта оторванность перед Лютом, как командиром, ставила задачу огромной важности, а именно, он должен был, во что бы то ни стало, поддерживать духовные и физические силы своей команды. Это особенно важно в последнем плавании Люта. Оно было самым продолжительным когда либо совершенным подводной лодкой. Во время этого плавания Люту удалось уничтожить

47 кораблей противника, общим водоизмещением в 268.000 брт.

Лют кладет передо мной несколько альбомов. Я начинаю перелистывать их. Капитан дает пояснения и рассказывает всякие эпизоды из морской жизни. В этих альбомах заботливо и по порядку собраны документы, касающиеся всех более или менее значительных событий на подводной лодке Люта.

«Мой экипаж состоял из отборных людей, — заметил Лют, показывая мне большой групповой снимок. — Хотя все они родом из самых разных областей, Германии, мне все же удалось спаять их в дружную семью». Он с любовью скользит взглядом по фотографии и называет имена отдельных моряков, отмечая характерные черты каждого. «Все они плавают теперь на других подводных лодках, но я стараюсь получать сведения о каждом отдельном человеке».

Далее в альбоме следуют снимки веселых сценок, как то «крестины на экваторе», во время которых разодетый в фантастические костюмы экипаж изощрялся во всевозможных шутках и фокусах.

Так проходила неделя за неделей. Тяжелая работа и требующие максимального нервного напряжения боевые действия чередовались с более спокойными днями. У моряков постепенно отросли бороды, черты лица становились более резкими и чеканными.

Я снова перелистываю страницу большого альбома. Перед моими глазами прекрасные снимки моря во время шторма. Лодка, покрытая толстым слоем льда, пробивается среди бушующих волн.

Нет таких морей, где бы не побывал Лют. Вот новые фотографии, сделанные уже во время плавания близ экватора. Несмотря на томный зной, моряки должны нести службу в машинном отделении, во и наверху — на мостике — огненные лучи солнца, палящие над самой головой, дают себя сильно чувствовать. Вахтенный офицер, командир лодки, наблюдатель и сигнальщик, покрыв головы широкополыми соломенными шляпа-

Вольфганг Лют

ми, в одних трусиках сидят на горячих стальных плитах боевой рубки и не на минуту не отрывают глаз от далекого горизонта.

«Моя команда никогда не теряла юмора, — продолжает Лют, — об этом особенно заботились рейнландцы. В области шуток эти парни обладают огромной изобретательностью».

Следует несколько рождественских снимков. «У нас была и елка, — улыбаясь говорит капитан, — конеч-

но, настоящая: мы смастерили ее из выкрашенных в зеленый цвет морских канатов. Украшенная всякими пестрыми безделушками и несколькими свечками, она напоминала нам о Рождестве на родине. Нас развлекал собственный Дед Мороз, с белой, осыпанной мукой бородой. Однако, ввиду нестерпимой жары, его голову, вместо традиционного ватного капюшона, украсила обыкновенная простыня. Я отдал приказ, во избежание возможных неприятных неожиданностей со стороны неприятеля, уйти на значительную глубину и наш «подводный» праздник удался на славу. Правда, алкогольных напитков у нас не было. Но ведь это не главное. Пили чай и кофе. Настроение было прекрасное. Вообще на море нам скучать не приходилось. В свободные часы моряки пели, устраивали шахматные турниры, играли в карты. У многих обнаружилось разные таланты и литературные наклонности. Мы неоднократно организовывали литературные и художественные конкурсы и награждали победителей призами. По вечерам устраивали концерты. Большие услуги оказывал нам наш верный граммофон, действовавший безотказно с первого до последнего дня плавания. Большое внимание я уделял разным общеобразовательным докладом, которые часто делал сам. Интересные беседы проводил наш судовой врач. Многие члены экипажа с товарищами делились своими познаниями в тех или иных областях науки, искусства или техники. Подводная лодка имела собственную внутреннюю ежедневную газету, в которой помещались принятые по радио политические и другие новости. Все это экипаж развлекало после тяжелой напряженной работы и скрашивало часы досуга».

На столе проявляется папка, в которой Лют хранит рисунки и стихи — произведения его славных моряков. Все это написано во время плавания

и свидетельствует об искристом и здоровом юморе команды.

«А это, — с чувством гордости говорит Лют, — Железный Крест рыцарской степени с дубовым венком и мечами, который, из оказавшихся под рукой материалов смастерили мои моряки, узнав, что я представлен к этому высокому ордену».

Лют показывает последний объемистый альбом. В нем находятся снимки, сделанные во время последнего, самого долгого плавания Люта. Тогда он пережил один из самых счастливых часов своей жизни. В то время, как лодка Люта рассекала волны далеких морей, он получил сообщение о рождении своего первого сына. А вскоре затем, в самые тяжелые и напряженные часы беспрестанных боев с противником, Лют узнал о пожаловании ему Фюрером бриллиантов к дубовому венку.

«Мое последнее плавание продолжалось дольше, чем вначале предполагалось. Поэтому под конец рейса стал сказываться некоторый недостаток в еде, в особенности в содержащих витамины таблетках, которые заменяли нам свежие овощи и другие продукты, так как все наши запасы провизии состояли из консервов. На стойкость и беспособность экипажа эти известные лишения ни в коем случае не повлияли».

В заключение Лют вынимает свою записную книжку, в которую внесены все интересные эпизоды последнего плавания, равно как и имена потопленных неприятельских кораблей.

«Ну, вот, кажется, и все, — говорит Лют, прощая меня к дверям. — Только вы меня не слишком расхваливайте в вашей статье».

Таков Вольфганг Лют — храбрый капитан немецкого военно-морского флота, вписавший своими подвигами новую славную страницу в историю Великогермании.

В. О.

К. Д. Бальмонт

Лес совсем уж стал сквозистый,
Редки в нем листья.
Скоро будет снег пушистый
Падать с высоты.

Опушит нам огня наши,
В детской и везде.
Загорятся звезды краше,
Лед прильнет к воде.

А в затишьи комнат — прятки,
В чет и нечет счет.
А потом настанут святки, —
Снова Новый Год.

Ночь перед Рождеством

Н.В. ГОГОЛЬ

Последний день перед Рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь наступила; глянули звезды; месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа.

Колядовать у нас называется теть под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяйин, или кто остается дома, колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван-Коляда, которого принимали за Бога, и что будто оттого пошли и колядки. Кто это знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Простой год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто этим народ угождает сатане. Однакож если сказать правду, то в колядках и слова нет про Коляду. Поют часто про Рождество Христа, а при конце желают здоровья хозяйину, хозяйке, детям и всему дому.

Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкою, как бы вызывая принаряжавшихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалил дым и пошел тучею по небу, и, вместе с дымом, поднялась ведьма верхом на метле.

... А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только черным пятнышком мелькала вверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звезды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре еще блестя. Вдруг с противной стороны,

показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос, вместо очков, колеса с комиссаровой брички, и тогда бы не распознал, что это такое. Среди совершенно немец (немцем называт у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — все немец) узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиной, кругленьким пятачком; ноги были так тонки, что если бы такие имел Яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшому рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не более трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто чорт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу.

Между тем чорт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его; но вдруг отдернул ее назад, как бы ожегшись, сососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдернул руку. Однакож, несмотря на все неудачи, хитрый чорт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил обеими руками месяц; крилясь и дуя, перекидывая его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки; наконец поспешно спрятал в карман и, будто ни в чем не бывало, побежал далее.

В Диканьке никто не слышал, как чорт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц, ни с того, ни с сего танцовал на небе, и уверял с божбою в том все село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех.

Таким-то образом, как только чорт спрятал в карман свой месяц, вдруг по всему миру сделалось так темно, что не всякий бы нашел дорогу к шинку, не только к дьяку. Ведьма, увидевши себя в темноте, вскрикнула. Тут чорт, подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку.

Но на небе и под небом так сделалось темно, что ничего нельзя уже было видеть, что происходило далее между ними.

Мороз увеличивался, и вверху так сделалось холодно, что чорт перепрыгивал с одного копытца на другое и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мерзшие руки. Не мудрено, однакож, и озябнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким

обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу.

Ведьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одета; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом, спустилась по воздуху, будто по ледяной покатоной горе, и прямо в трубу.

Чорт таким же порядком отправился вслед за нею.

В то время, когда проворный фронт с хвостом и козлиной бородой летал из грубы и снова в грубу, висевшая у него на перевязи при боку ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц пользуясь этим случаем вылетел через трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Все осветилось. Мятали как не бывало. Снег загорелся широким серебряным полем и весь осыпался хрустальными звездами. Мороз как бы потеплел. Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвенели, и под редкою хатою не толпились колядующие.

Чудно блещет месяц. Трудно рассказать, как хорошо потолкаться в

Вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле

такую ночь между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь. Под плотным кожухом тепло; от мороза еще живее горят щеки, а на шалости сам лукавый подталкивает сзади.

Толпы колядующих, парубки особо, девушки особо, спешили из одной улицы в другую.

Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни, хохот и крики. Толпы толкавшегося народа были увеличены еще пришедшими из соседних деревень. Парубки шалили и бесились в волю. Часто, между колядками, слышалась какая-нибудь веселая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козаков. То вдруг один из толпы, вместо колядки, отпущал щедровку и ревел во все горло:

Щедрык, ведрык!
Дайте вареник!
Грудочки кашки,
Кильце ковбаски!

Хохот награждал затейника. Маленькие окна подымались, и сухощавая рука старухи (которые одни оставались в избах) высовывалась из окошка с колбасою в руках или куском пирога. Парубки и девушки наперерыв подставляли мешки и ловили свою добычу. В одном месте парубки, зашедши со всех сторон, окружали толпу девушек: шум, крик; один бросал комом снега, другой вырывал мешок со всякой всячиной. В другом месте девушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и он летел вместе с мешком стремглав на землю. Казалось, всю ночь напролет готовы были повеселиться. И ночь, как нарочно, так роскошно теплилась! И еще блее казался свет месяца от блеска снега!..

Было такое время, когда мы, русские люди, не смели украшать свое жилище традиционной Рождественской елкой.

Советские безбожники назвали ее символом старого реакционного мира. Елку изгнали, запретили.

Все же и в такие тяжелые времена находились смельчаки, которые, вопреки «общественному мнению», решались устраивать Рождественскую елку. Понятно, что делалось это тайно, с соблюдением всех правил конспирации.

К числу таких людей принадлежал Илья Ильич Курочкин — главный бухгалтер Гранитной фабрики.

Был 1929 год. За несколько дней до праздника семья Курочкина мирно сидела за ужином.

— Папа, а нынче у нас будет елка? — спросил у отца старший сын Миша.

— Конечно, будет! Ведь мы каждый год ее устраиваем.

Заметив беспокойный взгляд супруги, Илья Ильич, обращаясь к сыну, добавил:

— Только смотри, об этом никому не рассказывай. Могут быть большие неприятности. Ты уже не маленький, сам должен понять.

В школе Мише внушали, что Рождество выдумали попы, что елку делают только некультурные люди.

Все эти доводы бесследно исчезали, когда Миша торопился домой разбирать старые елочные игрушки. Он с увлечением клеил, вырезал, изобретал новые игрушки: висячие домики, бонбоньерки.

В солнечник рано утром, еще до рассвета, отец собрался в лес за елкой. Лес начинался сразу же за поселком, но они пошли дальше, намереваясь перехитрить местного лесника. Ведь за рождественскую елку штраф взимался в десятикратном размере. Выбирали недолго — приходилось спешить. Илья Ильич проворно

развернул большой матрацный мешок и спрятал в него аккуратно перевязанную веревками елку. Мешок положили на санки и для большей безопасности прикрыли сверху брезентом. Облегченно вздохнули только тогда, когда выбрались на большую дорогу.

Над лесом поднималась заря. Настроение было легкое, праздничное. Около поселка Миша побежал вперед, чтобы разведать, нет ли у подъезда соседей. Но все обошлось благополучно. Настал рождественский вечер. Когда завесили окна и зажгли лампадки, в комнате стало теплей и уютней. Приятно было ходить по мягкому ковру и вдыхать свежий смолистый воздух.

Илья Ильич запер входные двери, и Миша с радостью принялся украшать елку. Ему очень хотелось пригласить кого-нибудь из товарищей, но нельзя было поручиться, что они, в случае ссоры, не расскажут про елку в школе. Горький опыт научил людей осторожности.

На небе зажглись первые звезды. — Пора зажигать! Христос рождается! — сказал Илья Ильич.

Миша очень любил этот торжественный момент. Как и всегда, отец запел «Рождество Твое, Христе Боже наш». Ему подпевала мать.

Вдруг кто-то сильно постучал в двери.

— Открывайте! — кричал управдом. — Санитарная комиссия.

— Нелегкая вас носит! Раз в год и то по праздникам! — ворчал себе под нос Илья Ильич.

Заметив елку, председатель комиссии, врач Евсей Абрамович Кац, покачал головой и многозначительно сказал:

— Ай, ай, Илья Ильич! Кто мог подумать, что вы — приверженец ста-

рого режима? Хотя бы сына не калечили, ему, ведь, жить нужно. Илья Ильич стоял возле елки и виновадо улыбался. Что мог он сказать этому члену райкома партии?

Через неделю без всяких видимых причин приказом директора фабрики Илья Ильич Курочкин был понижен в должности.

В школьной стенной газете вскоре появилась карриатура, изображавшая Мишу в рясе. Под рисунком была подпись: «Церковникам не место в наших рядах».

Прошли года. Генеральная линия партии совершила диалектический поворот. Большевики признали елку. Правда, не Рождественскую, а Новогоднюю, все-таки елку. Однако, Илья Ильич в прежней должности восстановлен так и не был.

С. Князев.

Рождественская елка на фронте

Опасные игрушки

Перед Новым Годом во всех городах Советского Союза появились в продаже елки. Устроиться новогодних елок было разрешено внезапно. Привезенные чухлые деревца (хорошие срубать запрещалось) покупались на-расхват, и около продавцов образовалась сущая свалка. В ней участвовали солидные мужчины и женщины, подростки и малыши. Каждый спешил приобрести елку после долгих лет запрета.

В квартире Михалевых тоже появилась елка. Пятилетняя Наточка радовалась и поминутно приставала к матери, то к бабушке с вопросами, скоро-ли придет время украшать елку? Наконец Наточкина мать, Надежда Семеновна, сказала:

— Ну, теперь пора!
— В украшении чухлого деревца приняла участие вся семья, за исключением отсутствовавшего Николая Павловича. Надежда Семеновна и Наташа подошли к елке, когда бабушка, Агния Федоровна, с помощью брата Наташи, четырнадцатилетнего Сережи, вносила в комнату две большие картонки.

— Вот, наконец-то, и дождался, — сказала бабушка, ставя картонки на стол, — украшения то опять пригодятся. А я, что уж грех таить, сколько раз думала: и чего мы их бережем, только пыль одна, лучше бы выбросить. А вот, пригодились-же!

Наточка вскарабкалась на стул и с любопытством наблюдала за развязыванием веревок на картонках. Когда были подняты крышки картонок, Наташа, увидев яркие и блестящие игрушки, даже вскрикнула от восхищения.

Сережа сделал серьезное лицо, но было видно, что и он восхищен игрушками.

— Я думаю, начнем с флагов, — предложила Надежда Семеновна.

— Давай, с флагов, — согласилась бабушка.
— Залезай, Сережа, на табурет, будешь вешать флаги на верхние ветки, распорядилась Надежда Семеновна. — На держи: английский флаг, итальянский, шведский, американский, германский, японский...

— Мама, — перебил мать Сережа.
— Что?
— А ты не боишься?
— Чего же бояться, Сергунок?
— Флаги-то эти все... капиталистические... Никого на елку нельзя будет пригласить...
— Ты прав, — медленно и тихо сказала Надежда Семеновна. — Пожалуй, отложим флаги... Ну, мамочка, давайте дальше, — обратилась она к бабушке.

Бабушка со вздохом отложила яркие флаги и вынула из коробки блестящие фигурки.

— Это что? Ангелочки? — спросила Надежда Семеновна, рассматривая переливавшиеся всеми цветами радуги блестящие изображения. — По моему, ангелов тоже не следует помещать на елку. Не правда-ли, Сережа?

— Конечно, — деловито подвредил Сережа, — тоже скажут: Михалевы не отделались от религиозных предрассудков... Религия — это опиум...

— Ладно, ладно, — с досадой и раздражением перебила его бабушка.

— Вот уж гномов, ведьму на помеле, лешего можно повесить, — сказала бабушка.

Надежда Семеновна призадумалась:
— Гм... гномы и ведьмы... Тоже могут сказать: это эмблемы русского суеверия, это идеология, чуждая современности...

— Лучше не надо! — махнул рукой Сережа. — В школе разговоры еще пойдут.

Гномы, ведьмы и лешие были отложены.

— Ай, смотрите, какие хорошенькие крестики! — вытаскивая из коробки целую пачку картонных изображений царских орденов (Георгиев, Анны, Станиславов, Владимиров), закричала Наточка.

Теперь уж запротестовала бабушка:
— Нет, нет, ни в коем случае!
— Помнишь, у Васильевых был обыск и

нашли какие-то ломаные царские ордена, так сколько было неприятностей и сколько времени просидел в тюрьме бедный Геннадий Андреевич...

Изображения орденов тоже были отложены, несмотря на искреннее горе Наточки.

— Давайте повесим звездочки, — предложила Надежда Семеновна.

— Пятиконечные? — осведомился Сережа.

Застушки дяди Миши

Чтоб вас в праздник позабавить,
Мы частушки пропоем —
Чуть имею вас поздравить
С наступившим Рождеством!
То-то праздник людям будет,
Коль в Кремле уже не будет
Из чекистов никого.
На святое Рождество!
Стоит елка без огня,
А пред ней прогалина,
Я повесил бы на ней
Дорогого Сталина...

Но ужасные сомнения
Душу мне притом грызут —
От такого украшения
Ветки елочки помрут...
«В Коминтерне мало толку» —
Сталин правильно решил,
И на праздничек он елку
Русским людям подарил...

«Вы на елке получайте
И мундиры и чины,
Только чур — не убегайте
Из загубленной страны.»
Граждане же там и тут
Прочь от Сталина бегут —
Лучше быть переселенцем,
Чем затравленным аищенцем!...
Собрались друзья в Иране,
Нуж у каждого в кармане,
Но зато на языке
Лишь одно коммунике!...

Пусть и неудобно бриту
Руку пожимать бандиту,
Черчилль молвит: «Так и быть,
Руку можно и помыть!...
Их трюх все население
Обожает до восторга,
И такое поклоненье
Доведет их вплоть до морга.
После этаких штукенций
И восточных конференций
Мистер Черчилль заболел
Несварением скверных дел.
Вот так праздник, вот так номер,
Ярославский взял да помер.
И тогда же после смерти
В ад его стащили черти...
Самый главный Вельзевул
Взял пред ним на караул,
И сказал: «Сядь как безбожник,
На пылающий треножник.»

Сделал ты немало зла,
И за все свои дела
Должен ты три пятилетки
Просидеть в горячей клетке
Ты, Земелья Ярославский,
В самом деле бес заправский —
Божьи храмы закрывал,
Как велел тебе кагал...
И за все деянья эти
В нашей огненной ты клетке
В наказаньи посиди
И прощения не жди!...
Но в нечисти такой
Грех касаться в час святой.
Если праздник наступает
И звезда уже сияет.
В небе звездочка блеснула,
Так забудем Вельзевула,
Да и Сталина в Кремле —
Вот и блюда на столе.

Хоть не те, что украшали
Стоя рождественский у нас,
Но, чтоб мы не унывали,
Есть и водочки запас.
И всего есть понемногу,
Словом, помолившись Богу,
Сядем с вами и закусим
Колбасою, а не гусем...
Но, когда настанет час,
Будут гуси и у нас,
И вновь будем, как когда-то,
Жить на родине богато!

Миша

Рассказ Н.А. Тедфи

Из силуэтов прошлого

Утро рождественское началось и пошло как всегда.
Девочек нарядили в новые розовые шерстяные платья с оборочками и бантиками, косички напоядали душистым репейным маслом. На толстого черноглазого Мишеньку надели шелковую косоворотку с золотой пуговкой.

В таком параде пошли дети наверх по скрипучей лестнице, по новым половичкам поздравлять бабушку. Христа славить.

Бабушка в шелковом повойнике, краснощекая, крепкая, сидела в кресле, принимала внуков торжественно и строго.

Была бабушка когда-то красавицей, и даже раз на волжском пароходе влюбился в нее французский герцога. Как он под Казань затесался, никто этого объяснить не мог, но бабушку всю жизнь герцога дразнили.

— Жениться собрался. Ему говорят — замужняя, а он никакого языка не понимает. Спасибо капитану — отдалек. Стал ему мигать, француз-то, мигал, мигал — тот и заинтересовался. Ну капитан и отвлек его в буфет.

Всю жизнь дразнили. Бабушка ничего, улыбалась.

Комната у бабушки была странная: большая, но очень низкая, и вся уставлена банками, склянками, и всюду полки, а на полках кости, сушеные травы, ступки. Точно кабинет Фауста. Занималась бабушка медициной, готовила собственные лекарства и лечи-

ла все болезни вплоть до самых неизлечимых. Против детских судорог набивала она подушечки сушеными васильками, падучую лечила толчеными косточками из поросычей головы. Какой-то казанский профессор прослышал про эти косточки и так заинтересовался, что даже сам приехал. Но бабушка секрета не сказала, так и уехал ни с чем, только в бороду себе поворчал.

Дети с благоговением смотрели на банки и кости и начинали:
«Рождество Твое, Христе Боже наш»...

Девочки пели старательно и фальшиво, сбивались, поправлялись. Толстый Мишенька повторял только «аш, аш». Еще мал был, чтобы петь.

Потом бабушка каждого гладила по масляной голове и дарила по серебряному рублю. Выходя за дверь, девочки торопливо мерили — чей рубль больше.

А внизу отец с матерью принимали поздравителей: приказчиков, служащих в лесных дачах, мелких полицейских и телеграфистов.

Прибегали и мальчишки-христославы, но их принимать было некогда, и снаряжался на это дело старый слуга Игнат. Старый был Игнат и представительный. Если бы служил он в дворянском доме, назывался бы он камердинером или дворецким — такая была у него внешность — и почтительная и в то же время надменная; почтительность обращена вверх, надмен-

ность — вниз. Лысая голова, седые баки, небольшие, мохрястые.

— Баки, как у собаки! — дразнили ребятишки.
Такие баки действительно бывают у старых зверей — у собак, у волков, у тигров. Но как жил Игнат у купцов, у Вахромеевых, то и был он ни дворецкий, ни камердинер, а просто слуга Игнат.

Взят был мальчишкой, вырос, женился, всю жизнь в доме прожил и жену скоронил.

Жена у него была тихая, помогала по хозяйству и шила прислугам кофты. Как-то раз бежит к ней горничная: «тетенька, Марфа Петровна, что же это вы мне сшили-то!» — А что? —

... «Звездою учухуся»... — пели Христославы.

«Да воротник-то к рукаву пришила». Посмотрела старуха, задумалась. — «Эго, говорит, к тому, что я скоро умру». Заскучала, почернела, перестала есть, недельку пролежала и умерла.

Остался Игнат один.

А жизнь шла вся, как была налажена. Приживалка Клавдия Антоновна заменила старуху в хозяйстве, другая приживалка, Светоносная, стала шить кофты. А Игнат на Рождестве садился в передней на пустой ларь, надев валенки, напялив шапку — холодно было в передней — и принимал мальчишек христославов. В сигарной коробке лежали медяки для награждения поздравителей. Каждый получал по пятак. Но нужно было внимательно следить, чтобы поздравитель не слугуловал и не прибежал славить второй раз. А это было далеко не легкое. Народ шустрый, и все друг на друга похожи. В тяткиных шапках, в мамкиных платках, в братниных валенках, закутаны, завязаны, морозом нащипаны, изо рта пар валит. Как их разберешь?

— ... «Звездою учухуся»... — ядкая в себя воздух, усердствует христослав, и вдруг грозный оклик:
— Постой, постой! Да ты никак второй раз. Вона заплапа на валежке. Нагибай голову, буду за уши драть.

— Эй-Богу, дяденька, первый! Стану я врать! Вон образ-то на стене.
— Нечего, нечего, уноси ноги, пока цел. Получил гривенник, ну и иди!
— Как гривенник? Эй-Богу всего пятак.

— А, вот и попался! Вот и проговорился. Ну теперь давай уши.
Мальчишка удирал, сколько позволяли тяткины валенки.

Но в это утро, в последнее Рождество, сидел Игнат, как на иголках, слушая в пол-уха и плутов не ловил. Шевелил ежовыми бровями и шептал про себя. А из двери изредка просовывался утиный нос приживалки Светоносной. Наблюдалательно.

В парадных комнатах после приема священников и раннего обеда, происходил прием визитер

В зале молодежь, поставив стулья вокруг, играла в фанты, и на твердо натертом, крашенном полу отражались мутными бликами розовые и голубые платья девиц.

Бабушка из важности вниз не сходила, а дамы сами поднимались по скрипучей лесенке, по новым половичкам поздравить старуху.

Старый Игнат, сняв валенки, разносил чай и наливки... Ему помогла толстенная горничная-Маша, подпершая для праздника свой шестнадцатилетний бюст невероятного фасона корсетом. Маша сопела, краснела. Она не знала, как еще хозяйева отнесется к ее корсету, и вид у нее был испуганный и виноватый.

Служила она в горничных еще только первую зиму, и грандиозный рождественский прием с важными гостями, наливками и пирогами привел ее в какое-то восторженное отчаяние.

И когда в зале жена ветеринара заиграла вальс «Дунайские волны», она еле удержалась, чтобы не грохнуться поднос об пол и не зареветь.

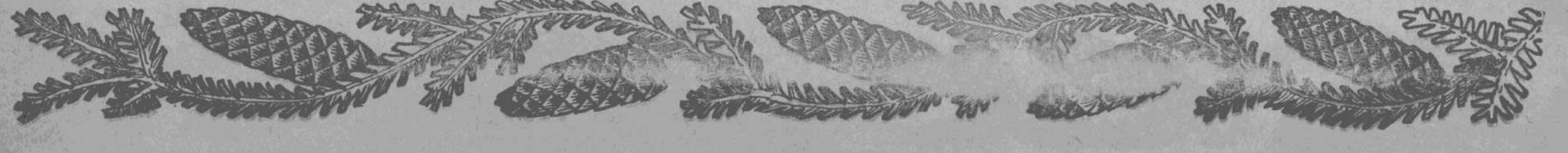
Служила она изо всего понимания и изо всех сил.

— Маша, — сказала хозяйка, — живенько чистые рюмки. Вот еще барыни идут.

— Господи, Господи! — отвечала Маша. — И еще идут! и подо всякую барыню надо чистую рюмку ставить! И восхищение, и ужас!

Старый Игнат следил за ней украдкой, не поворачивая головы, сторожил птичьим глазом через левую баку и, передавая в коридоре грязные чашки, вдруг сказал четко и вдохновенно, как говорят гадалки:
— Молись, сирота, скоро тебе счастье будет!

Маша шарахнулась от него и наскок прямо на утиный приживалки

НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ

В КАНУН РОЖДЕСТВА.

Псков.

В сочельник псковичи уже с утра спешили на последний предпраздничный базар, чтобы закупить к празднику разных продуктов. Дети с нетерпением ожидали вечера и хлопотали около елок. Вечером каждая семья уже собралась за столом, чтобы встретить великий праздник.

ВСТРЕЧА ПРАЗДНИКА

Псков.

Вечер. Над деревней сгустились сумерки. В избе Хохловых сегодня все выглядит по-праздничному. Чистые тюлевые занавески, новая скатерть и мягкие домотканые половики. В переднем углу теплятся разноцветные лампы и огоньки их отражаются в позолоченных окладах икон, украшенных белоснежными полотенцами. Вся семья разместилась по лавкам. Мальчик лет тринадцати читает вслух рождественский рассказ. Остальные со вниманием слушают. Тихо и уютно

в избе. Пахнет можжевелником и смолой. У окна сидит пожилой крестьянин. Время от времени он поглядывает на звездное небо.

— Кажись, пора накрывать. Звезда взошла! — говорит он, обращаясь к жене.

Хозяйка не спеша подходит к русской печке и снимает заслонку. Ароматный запах жирных деревенских щей наполняет воздух. Потом все становятся лицом к образам и дети запевают тропарь «Рождество Твое, Христе Боже наш».

ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЙ БАЗАР

Псков

В последние предпраздничные дни на базарной площади было большое оживление. Спрос на сельскохозяйственные продукты заметно увеличился. Разложенные на столах или же просто на телегах продукты — бойко раскупались хозяйками.

Возвращаясь домой, крестьяне вели ребяткишам к празднику городские гостинцы.

Елка у переселенцев

В Риге в доме № 118 по улице Адольфа Гитлера, где нашла себе приют группа русских беженцев в 36 человек, — праздничный вечер с елкой. К празднику готовились, его ждали. Это было видно во всем: помещение тщательно убрано, ребяткиши чистенькие, принаряженные — большинство в белых рубашках и блузках. В общежитии 3 комнаты. В самой дальней из них, где помещается беженка-учительница с сыном и беженец-аптекарь с женой, не только чисто, но даже уютно, — на столе праздничная, нарядная вязаная скатерть, лавка покрыта какой-то пестрой материей, на стенах картинка, верхний карниз двери украшен елкой. В помещении тепло, электрические лампочки светят весело, ярко.

В средней, самой просторной комнате, большая елка, богато украшена сверху до низу.

Ребятишек — 11 человек. Все они радостно возбуждены, — еще бы! — у них елка, первая рождественская елка в жизни! В соседней комнате, мальчик обряжается в костюм Деда - Мороза. На нем белый халат, большая белая шапка и седая борода с блестками — все как полагается. Облечившись, он выходит и прячется за елку, чтобы торжественно появиться в надлежащий момент.

Ребятишки толпятся у елки, на которой уже зажгли свечи. Самая маленькая, двухгодовалая девочка Шура тоже толпится здесь в новеньких, только что сшитых башмачках.

Когда все было готово, посетители усадились на табуретки и началась рождественская программа. Две руководительницы не мало потрудились, разучивая с детьми беженцами песенки и стихи. Сначала вышла старшая девочка и прочла в стихах приветствие-благодарность за посещение и помощь. Потом дети пели и декламировали.

Когда речь зашла о Деде-Морозе, он вылез из-за елки, шурика бумажным костюмом, и стал в соответствии со словами похлопывать рукавицами, притоптывая ногами да покачивать головой.

Затем наступил самый интересный момент: раздача подарков. Какой-то добрый человек, живущий по соседству, прислал к празднику целую корзину игрушек, которые сам изготовил, вырезав из дерева и раскрасив. Игрушки были хоть куда, прелезательные: тут и домики, и разные домашние зверьки, но больше всего имели успех «куклы-дергуны», приводимые в движение с помощью шуруков и с уморительно раскрашенными физиономиями, да еще качели, где на перекладные вертелось вниз головой какое-то смешное создание. Другие, пришедшие в гости на елку, принесли куклы с печеньем и конфетами, по числу детей, потом оделили их глиняными раскрашенными кружками и маленькими шпильками из материи кошелек. Школьники получили блок-ноты с карандашами, а одна старшая девочка — новое пальто и теперь ей есть в чем ходить в школу.

Радость детей не имела границ. Улыбались и матери. Когда раздавали подарки, одна из них сказала: «Это тебе, сыночек, тятка с фронта прислала».

На всех присутствующих этот вечер произвел отрадное впечатление. Сияющие радостью глазенки детей, улыбающиеся матери, — это ли не награда за труд, участие и помощь! Беженцы сердечно благодарили за все и просили не забывать их и впредь; гости, уходя, пожелали всем здоровья и благополучного возвращения на родину, в новую Россию, свободную и счастливую!

Е. С.

Рождественский подарок

Поезд несся все дальше и дальше. Перед глазами мелькали знакомые картины родной природы — опустевшие поля, серые хаты и опять леса, леса. Эшелон с переселенцами шел на юг и увозил людей от разоренных войной мест, где глухо рокотали орудия и гудели самолеты.

Задумчиво и печально смотрят вдаль серо-голубые глаза Нади. Согнутая в локте рука слегка подпирает упрямый подбородок.

К окнам вагона протягивают лапы мохнатые ели. Они чуть посеребрены легкой изморозью и, склоняясь к земле тяжелые складки темно-зеленых одежд, шепчутся о лесных тайнах.

Чуть улыбаются губы. Надя вспомнила, как однажды ей подарили на Рождество куклу - снегурку, одетую в меховую беличью шубку. В то Рождество у них впервые был Андрей. Потом Андрей стал приходить чаще. Он катал Надю на санках вместе с куклой снегуркой. Андрей был худой и высокий мальчик. Он любил читать серьезные книги, а иногда хохотал так весело и заразительно, что заставлял улыбаться даже отца Нади, человека сумрачного и строгого.

Однажды Андрей плакал — это было в тот день, когда вызвали в НКВД его отца. Отец больше не вернулся.

С тех пор Андрей перестал смеяться. И к Наде он больше не приходил кататься на санках.

Шли годы. Однажды вечером, тоже в сочельник, совсем неожиданно пришел Андрей. Надя была очень рада его приходу. Вспомнили и детские годы, и куклу снегурку. Потом пошли побродить по городу. Шли вдоль набережной Невы. Снежные звезды падали на рукава пальто, переливались ледяные искры и чуть поскрипывал под ногами тугой белый снег. Кругом сновали люди, куда-то озабоченно спеша, а Наде было беспринципно весело. Иногда она поднимала глаза и встречалась с глазами Андрея и его глаза были такие же радостные и веселые. Они о чем то говорили и Андрей хохотал так весело и заразительно, как смеялся когда-то в детстве. У колонны, невдалеке от сквера, он чуть коснулся губами щеки Нади и рассмеялся, а снежинка с его шапки упала девушке за воротник.

Потом Андрей уехал из города. Он редко писал, но обещал вернуться весной. Началась война, в последнем письме Андрей сообщил, что отправляется на фронт.

— Где он теперь, — думала Надя. Эшелон переселенцев остановился в чужом и незнакомом городе. Первые дни ушли целиком на хлопоты по устройству. Мать все вздыхала, но радовалась, что наконец окончен длинный, утомительный путь. Рождество подошло совсем незаметно. А когда наступил Рождественский сочельник и Надя собралась ко всеобщей, мать стала отговаривать:

— И далеко, и нехорошо поздно возвращаться одной в незнакомом городе!

Надя смеялась: — Не беспокойся, мамочка, меня Дед-мороз на санках дозвезет!

Наде хотелось увидеть торжественное, праздничное богослужение, ко-

Надя заметила на рукаве военного значок боевой дружины. Вошедший приостановился, и обернувшись к кому-то позади, вполголоса произнес:

— Пойдем вправо, Андрей, там свободнее.

— Хорошо, — послушался ответ. Этот голос Надя узнала бы из тысячи.

— Андрей! — едва могли прошептать ее губы.

В ярко праздничном освещении храма казались благобно сияющими лики святых. Торжественное пение звучало с хором, а Надя и Андрей только взглядывали друг на друга сияющими глазами и веря и не веря неожиданной, невероятной встрече.

— «Слава в вышних Богу и на земле мир», — пел хор и Наде казалось, что чувство неожиданной радости достигнет такой остроты, что поднимает ее и уносит куда-то в высь, словно на крыльях.

торого она так давно была лишена. Сыпал мелкий снег. Было холодно. Народ поднимался по высоким ступеням храма, торопясь скорее войти в празднично освещенную церковь.

Поднимаясь с другими, Надя поскользнулась на последней ступеньке, и, поддавшись назад, слегка ахнула.

— Осторожнее, — произнес голос позади нее и крепкая рука в военной шинели подхватила ее руку. Надя, и поддерживавший ее военный, вошли в притвор храма. Здесь было светло и

Андрей вел ее незнакомыми улицами, и так же, как когда-то на берегу Невы, ее рука лежала в его руке. Андрей рассказывал как сдался в плен германской армии, чтобы воевать против большевиков и отомстить за отца. Надя рассказывала о своей жизни, о переживаниях последних дней. Они перебивали друг друга, торопясь передать один другому все, чем были полны их сердца.

Дверь открыла мать Нади, обеспокоенная долгим отсутствием дочери.

— Ну, мамочка, и подарок же я получила к Рождеству, посмотри, кого нам прислал Дед-мороз.

Вглядевшись в вошедшего, Надя мать ахнула, и слезы потекли по ее щекам.

В маленькой квартирке было уютно и весело. Далеко за полночь велись нескончаемые беседы, звенел голос Нади, и Андрей смеялся тем задумчивым смехом своего детства, от которого бывало разглаживались морщины на строгом лице надидного отца и в запавших глазах его вспыхивала улыбка.

А на дворе Рождественский сочельник убирал землю снежными узорами и спокойной радостью светилась большая лунчатая звезда в далеком небе.

В. Гарцева

нос. Приживалка покачала укоризненно головой и шмыгнула в столовую.

Ничего не понимая, Маша наскоро всплакнула, вытерла щеки чайным полотенцем и побегала мыть чашки.

Кухаживаниям дворни она привыкла и придавала им не больше значения, чем Венера Милосская направленным на нее биноклями туристов. Чистенькие ситцевые кофточки ее всегда носили на груди следы грязных пальцев — отпечаток эстетических эманаций дворника Вавилы, кучера Петра, водовоза Гаврюшки и лесных приказчиков, приезжавших с докладом.

К этому Маша привыкла. Но странное внимание Игната, так близко к ней подошедшего и так из самой глубины своего естества дохнувшего на нее табачным перегаром, сопровождавшим таинственные слова, — это смутило Машу до трепета. Растерянная, красная моталась она весь день в полном отчаянии.

К вечеру гости разошлись. Хозяйка сняла парадное платье, корсет и, блаженно почесывая бока, надела теплый капот.

— Ну, слава Богу, все кажется хорошо, и гости остались довольны. Два пирога с земляничкой съели. Очень хвалили. Я говорила, надо было три сделать.

Хозяин, никогда не споривший, сейчас же согласился, что надо было три. Он бы и на пять пошел и на десять. Никогда не спорил. Очень был тихий и робкий.

Вошла приживалка Светонослова. Вошла, потом повернулась и поступала в дверь. Она была женщина деликатного воспитания и любила это подчеркивать.

— Войдите, войдите, Раиса Ивановна, у нас секретов нет.

— Нет секретов, — сейчас же подтвердил хозяин.

Светонослова закрыла дверь и, подойдя близко, зашептала:

— Наш-то старик уже проявлять себя начал. Давно уж мы за ним замечаем.

— Да что вы?

— Ей-Богу. В коридоре сама слышала, Машеньке всякие объяснения говорил.

— Господи! Да неужто Машеньке!

— Сама слышала. Вот так он стоял, как вы сейчас, а так она наискосок, с посудой. Я еще подумала: перебыют они хозяйские чашки.

— Что же он говорил-то?

— Говорил, как вообще... Что мол счастье и прочие слова.

— Ай-ай-ай! Что же теперь делать-то?

Дверь тихо приоткрылась, и вошла Клавдия Антоновна. Вид у нее был подозрительно-невинный, указывающий на то, что она подслушивала у двери.

— Виновата, я на минутку. Я только хотела сказать, что вчера вечером проходила я мимо Игнатовой комнаты и остановилась только дух перевести. Стою, а у него за дверью скрип-скрип — пишет что-то. А потом вдруг возгласы.

— Какие возгласы? Кто?

— Игнат возгласы делал. Про любовь. Ей-Богу! Я и слушать не стала. Так совестно, ужас.

— Боже мой, Боже мой! — ахала хозяйка. — Такой старик хороший и вдруг!

— Хороший старик. Свой старик, — сокрушался хозяин, — что же мы теперь заведем?

— Надо тебе, Илья Иванович, поговорить с ним тихо, по-хорошему.

Рот у хозяина от растерянности и огорчения раскрылся кругло, как у Мишеньки, когда он «аш-аш» пел.

— Как же я могу, посуди сама. Он меня, маленького, на руках носил. Как же я буду с ним про этакое говорить? Не могу я! Мне совестно.

— Какой же ты после этого мужчина!

Обе приживалки, как по команде, повернулись и, подталкивая друг друга, вылетели из комнаты. Понимаем, мол, что пошли дела семейные. Только тихий сап за дверью показывал, что ушли они не слишком далеко...

Хозяин заморгал круглыми глазами.

— Катенька! Катерина Павловна, ты не сердись. Ты лучше посоветуй.

— Я же тебе, друг мой, советую. Пойди и толком поговори. Зайди так, будто случайно, да и посмотри, что он там пишет и какие возгласы производит. Я что-то больше всего возгласов боюсь.

— Так, думаешь, пойти?

Вздохнули долго. Попили чаю. Еще потолковали. Потом хозяин встал, по-

целовал хозяйку, та перекрестила его, и он пошел.

Игнат жил в комнатке под лестницей. Из темного коридора видна была полоска света над его дверью. Хозяин остановился и прислушался. Сначала тихо было.

— Это я его скрипом спугнул...

И вдруг возглас, ясный и четкий. Голос Игнатов, а слова совсем неподходящие. Слова:

«Клотильда моей души».

Хозяин даже ахнул. Этого никак не ждал. Сам не знал, чего ждал, но только не этого. Не Клотильды.

Постоял. Кашлянул и дернул дверку.

Игнат сидел за столом, в очках и читал по тетрадке.

— Здравствуй, Игнат, — залебезил хозяин, — я вот, братец, зашел посмотреть, как ты тут устроился. Мимо шел, ну и зашел.

Игнат не выказал удивления, хотя устроился он в этой коморке ровно сорок пять лет тому назад. Он почтительно встал и подал хозяину стул, на котором сидел.

— Ты что это... того... писанием занялся?

— Совершенно верно. Списываю нужные слова из разных книжек.

— Слова? Какие же слова?

— Про любовь-с и про чувства.

Хозяин опять открыл рот кругло, как у Мишеньки, но Игнат был серьезен и деловит.

— Я, Илья Иванович, жениться должен, а слова все забыл, которые к такому случаю. А без слов, сами понимаете, нельзя же. Вот здесь слова.

Он протянул хозяину тетрадку.

«Обаяние глаз твоих».

«Клотильда моей души».

«Горит восток зарею новой».

«Согласны ли вы разделить участь».

«За любовь мою в награду ты мне слезку подари».

«Здесь море ждет тебя широкое, как страсть».

«Люблю тебя, Петра творенье».

«Вы забудете меня в вихре света».

Илья Иванович бережно положил тетрадку на стол, в ужасе смотрел на Игната.

А Игнат деловито объяснил:

— Вот списываю и учу. Забыл слова, а без слов нельзя.

— Это ты на Машеньке женишься? — испугано прошепестал хозяин.

— Совершенно верно. Она девушка работящая, молодая и здоровая. На ней и женюсь.

— Да ведь... ты не сердись, Игнат, но ты ведь уж не молодой! Как же ты так вдруг влюбился?

Игнат, забыв всякую почтительность, вдруг обиженно фыркнул.

— Не понимаю я вас, Илья Иванович. Говорить мне, старику, такие слова. Что я дурак что ли? «Влюбился!» Сказать про старого человека такую срамоту.

— Так как же ты женишься, коли сам говоришь, что старый?

— Так ведь не по любви же я женюсь. Я, Илья Иванович, не дурак. Я женюсь по расчету. У меня все обдумано.

Хозяин выпучил глаза и молчал. Круглый, голова на-бок. Так в деревне смотрит дуна из-за бани...

— Теперь вот Рождество, зима преполовилась, а там гляди и весна, а потом, гляди, и лето. А как мне, холостому-то? У меня, скажу прямо, к летним брюкам некому пуговиц пришить. А Машенька, она за всем присмотрит. Вы думаете я зря ума? Нашли дурака. Нет — я по расчету.

Хозяин благоговейно покачал головой.

— Ишь ты, какой... Я ведь не знал...

Тихонько вышел. По всему коридору на цыпочках шел. Очень уж растерялся.

Хозяйка спала. Спросила сквозь сон:

— Ну что? Урезонил старика-то?

— Нет, Катенька. Старик-то он старик, а голова у него хоть бы и нам с тобой — так не худо. Рассчетливый. Завтра расскажу. Э-то голова! Такой не пропадет. Я человек не завистливый, но должен признаться.

Н-да. Не всякому дано! Этакое!

Тэффи.

А П ЧЕХОВ СТРАШНАЯ НОЧЬ

Иван Петрович Панихин побледнел, притушил лампу и начал взволнованным голосом:

— Темная, беспросветная мгла висела над земей, когда я, в ночь под Рождество 1883 года, возвращался к себе домой от ныне умершего друга, у которого все мы тогда засиделись на спиритическом сеансе. Переулку, по которому я проходил, почему-то не были освещены, и мне приходилось пробираться почти ощупью. Жил я в Москве, у Успенія-на-Могильцах, в доме чиновника Трупова, стало-быть, в одной из самых глухих местностей Арбата. Мысли мои, когда я шел, были тяжелы, гнетущи...

«Жизнь твоя близится к закату... Кайса...»

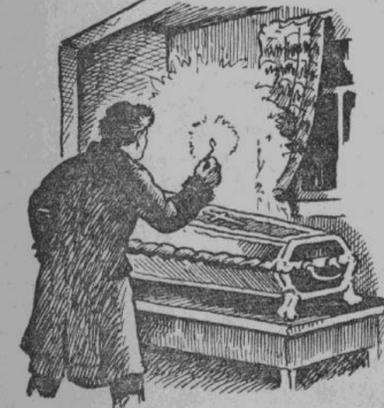
Такова была фраза, сказанная мне на сеансе Спинозой, дух которого нам удалось вызвать. Я просил повторить, и блудечко не только повторило, но еще и прибавило: «Сегодня ночью». Я не верю в спиритизм, но мысль о смерти, даже намек на нее, повергают меня в уныние. Смерть, господа, неизбежна, она обыденна, но, тем не менее, мысль о ней противна природе человека... Теперь же, когда меня окутывал непроницаемый, холодный мрак и перед глазами неистово кружились дождевые капли, а над головою жалобно стонал ветер, когда я вокруг себе не видел ни одной живой души, не слышал человеческого звука, душу мою наполнял неопределенный и неизъяснимый страх. Я, человек свободный от предрассудков, торопился, боясь оглянуться, поглядеть в стороны. Мне казалось, что если я оглянусь, то непременно увижу смерть в виде привидения.

Панихин порывисто вздохнул, выпил воды и продолжал:

— Этот неопределенный, но понятный вам страх не оставил меня и тогда, когда я, взобравшись на четвертый этаж дома Трупова, отпер дверь и вошел в свою комнату. В моем скромном жилище было темно. В печи плакал ветер и, словно просясь в тепло, постукивал в дверцу отдушника.

«Если верить Спинозе, — улыбнулся я, — то под этот плач сегодня ночью мне придется умереть. Жутко, однако!»

Я зажег спичку... Неистовый порыв ветра пробежал по кровле дома.

Посреди комнаты стоял гроб

Тихий плач обратился в злобный рев. Где-то внизу застучала наполовину сорвавшаяся ставня, а дверца моего отдушника жалобно провизжала о помощи...

«Плохо в такую ночь бесприютным», — подумал я.

Но не время было предаваться подобным размышлениям. Когда на моей спичке синим огоньком разгорелась сера и я окинул глазами свою комнату, мне представилось зрелище неожиданное и ужасное... Как жаль,

что порыв ветра не достиг моей спички! Тогда, быть-может, я ничего не увидел бы, и волосы мои не стали бы дыбом. Я вскрикнул, сделал шаг к двери и, полный ужаса, отчаяния, изумления, закрыл глаза...

Посреди комнаты стоял гроб. Синий огонек горел не долго, но я успел различить контуры гроба... Я видел розовый, мерцающий искорками, газет, видел золотой, галунный крест на крышке. Есть вещи, господа, которые запечатлеваются в вашей памяти, несмотря даже на то, что вы видели их одно только мгновение. Так и этот гроб. Я видел его одну только секунду, но помню во всех малейших чертах. Это был гроб для человека среднего роста и, судя по розовому цветку, для молодой девушки. Дорогой газет, ножки, бронзовые ручки — все говорило за то, что покойник был богат.

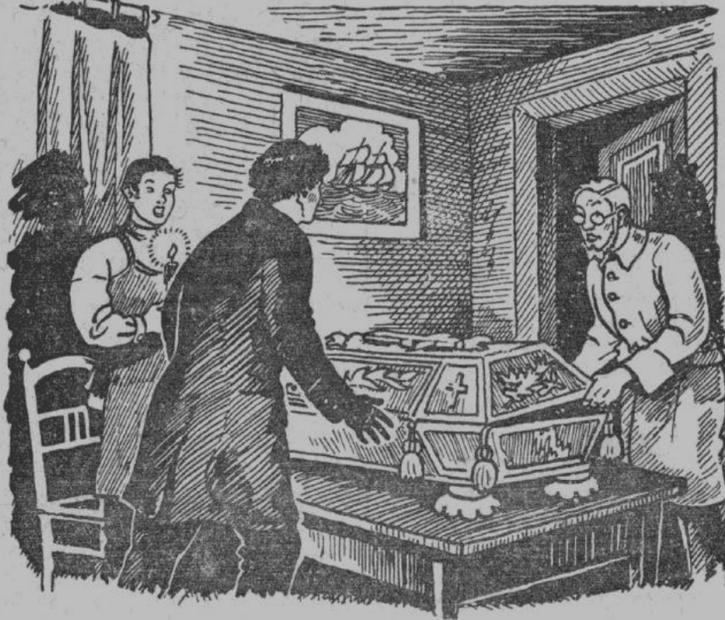
Опрометью выбежал я из своей комнаты и, не рассуждая, не мысля, а только чувствуя невыразимый страх, понесся вниз по лестнице. В коридоре и на лестнице было темно, ноги мои путались в полах шубы, и как я не

«Но все это глупо и я труслив, как школьник, — решил я. — То был оптический обман — и больше ничего! Идя домой, я был так мрачно настроен, что не мудрено, если мои больные нервы увидели гроб... Конечно, оптический обман! Что же другое?»

Дождь хлестал меня по лицу, а ветер сердито трепал мои полы, шапку... Я озяб и страшно промок. Нужно было итти, но... куда? Вернуться к себе — значило бы подвергнуть себя риску увидеть гроб еще раз, а это зрелище было выше моих сил. Я, не видевший вокруг себя ни одной живой души, не слышавший ни одного человеческого звука, оставшись один, наедине с гробом, в котором, быть-может, лежало мертвое тело, мог бы лишиться рассудка. Оставаться же на улице под проливным дождем и в холоде было невозможно.

Я порешил отправиться ночевать к другу моему Упокоеву, впоследствии, как вам известно, застрелившемуся. Жил он в меблированных комнатах купца Черепова, что в Мертвом переулке.

Панихин вытер холодный пот,

Доктор сорвал с гроба кришку.

слетел и не сломал себе шеи, — это удивительно. Очутившись на улице, я прислонился к мокрому фонарному столбу и начал себя успокаивать. Сердце мое страшно билось, дыхание сперло...

Одна из слушательниц припустила огня в лампе, придвинулась ближе к рассказчику, и последний продолжал:

— Я не удивился бы, если бы застал в своей комнате пожар, вора, бешеную собаку... Я не удивился бы, если бы обвалился потолок, провалился пол, попадали стены... Все это естественно и понятно. Но как мог попасть в мою комнату гроб? Откуда он взялся? Дорогой, женский, сделанный, очевидно, для молодой аристократки, — как мог он попасть в убогую комнату мелкого чиновника? Пуст он, или внутри его — труп? Кто же она, эта безвременно покоившаяся с жизнью богачка, нанесшая мне такой странный и страшный визит? Мучительная тайна!

«Если здесь не чудо, то преступление», — блеснуло в моей голове.

Я терялся в догадках. Дверь во время моего отсутствия была заперта, и место, где находился ключ, было известно только моим очень близким друзьям. Не друзья же поставили мне гроб. Можно было также предположить, что гроб был принесен ко мне гробовщиками по ошибке. Они могли обознаться, ошибиться этажом или дверью и внести гроб не туда, куда следует. Но кому не известно, что наши гробовщики не выйдут из комнаты, прежде чем не получат за работу, или, по крайней мере, на чай?

«Духи предсказали мне смерть, — подумал я. — Не они ли уже постарались кстати снабдить меня и гробом?»

Я, господа, не верю и не верил в спиритизм, но такое совпадение может повергнуть в мистическое настроение даже философа.

выступивший на его бледном лице, и, тяжело вздохнув, продолжал:

— Дома я своего друга не застал. Постучавшись к нему в дверь и убедившись, что его нет дома, я нащупал на перекладине ключ, отпер дверь и вошел. Я сбросил с себя на пол мокрую шубу и, нащупав в темноте диван, сел отдохнуть. Было темно... В оконной вентиляции тоскливо жужжал ветер. В печи монотонно насвистывал свою однообразную песню сверчок. В Кремле ударили к рождественской заутрени. Я поспешил зажечь спичку. Но свет не избавил меня от мрачного настроения, а напротив. Страшный, невыразимый ужас овладел мною вновь... Я вскрикнул, пошатнулся и, не чувствуя себя, выбежал из номера...

В комнате товарища я увидел то же, что и у себя, гроб!

Гроб товарища был почти вдвое больше моего, и коричневая обивка придавала ему какой-то особенно мрачный колорит. Как он попал сюда? Что это был оптический обман — сомневаться уже было невозможно... Не мог же в каждой комнате быть гроб! Очевидно, то была болезнь моих нервов, была галлюцинация. Куда бы я ни пошел теперь, я всюду увижу перед собой страшное жилище смерти. Стало быть, я сходил с ума, заблуждался чем-то в роде «гробомания», и причину умопомешательства искать было некогда: стоило только вспомнить спиритический сеанс и слова Спинозы...

«Я схожу с ума! — подумал я в ужасе, хватая себя за голову. — Боже мой! Что же делать?»

Голова моя трещала, ноги подкашивались... Дождь лил, как из ведра, ветер пронизывал насквозь, а на мне не было ни шубы, ни шапки. Вернуться за ними в номер было невоз-

можно, выше сил моих... Страх крепко сжимал меня в своих холодных объятиях. Волосы мои встали дыбом, с лица струился холодный пот, хотя я и верил, что то была галлюцинация.

— Что было делать? — продолжал Панихин. — Я сходил с ума и рисковал страшно простудиться. К счастью, я вспомнил, что недалеко от Мертвого переулку живет мой хороший приятель, недавно только кончивший врач Погостов, бывший со мной в ту ночь на спиритическом сеансе. Я поспешил к нему... Тогда он еще не был женат на богатой купчихе и жил на пятом этаже дома статского советника Кладбищенского.

У Погостова моим нервам суждено было претерпеть еще новую пытку. Взявшись на пятый этаж, я услышал страшный шум. Наверху кто-то бежал, сильно стуча ногами и хлопая дверьми.

— Ко мне! — услышал я раздражающий душу крик. — Ко мне! Дворник! И через мгновение, навстречу мне, сверху вниз по лестнице неслась темная фигура в шубе и помятом цилиндре...

— Погостов! — воскликнул я, узнав друга моего Погостова. — Это вы? Что с вами?

Поровнявшись со мной, Погостов остановился и судорожно схватил меня за руку. Он был бледен, тяжело дышал, дрожал. Глаза его беспорядочно блуждали, грудь вздымалась...

— Это вы, Панихин? — спросил он глухим голосом. — Но вы ли это? Вы бледны, словно выходец из могилы... Да полно, не галлюцинация ли вы?.. Боже мой... вы страшны...

— Но что с вами? На вас лица нет!

— Ох, дайте, голубчик, перевести дух... Я рад, что вас увидел, если это действительно вы, а не оптический обман. Проклятый спиритический сеанс... Он так расстроил мои нервы, что я, представьте, воротившись сейчас домой, увидел у себя в комнате...

гроб!

Я не верил своим ушам и попросил повторить.

— Гроб, настоящий гроб! — сказал доктор, садясь в изнеможении на ступень. — Я не трус, но ведь сам чорт испугается, если после спиритического сеанса натолкнется в потемках на гроб!

Путаясь и заикаясь, я рассказал доктору про гробы, виденные мною... Минуту глядели мы друг на друга, выпуча глаза и удивленно раскрыв рты. Потом же, чтобы убедиться, что мы не галлюцинируем, мы принялись щипать друг друга.

— Нам обоим больно, — сказал доктор, — стало быть, сейчас мы не спим, и видим друг друга не во сне. Стало быть, гробы, мой и оба ваши, — не оптический обман, а нечто существующее. Что же теперь, батенька, делать?

Простояв битый час на холодной лестнице и теряясь в догадках и предположениях, мы страшно озябли и порешили отбросить малодушный страх и, разбудив коридорного, пойти с ним в комнату доктора. Так мы и сделали. Войдя в номер, зажгли све-

чу, и в самом деле увидели гроб, обитый белым газетом, с золотой бахромой и кистями. Коридорный набожно перекрестился.

— Теперь можно узнать, — сказал бледный доктор, дрожа всем телом: — пуст этот гроб, или же... он обитаем?

После долгой, понятной нерешимости, доктор нагнулся и, стиснув от страха и ожидания зубы, сорвал с гроба крышку. Мы взглянули в гроб и...

Гроб был пуст...

Покойника в нем не было, но зато мы нашли в нем письмо такого содержания:

«Милый Погостов! Ты знаешь, что дела моего тестя пришли в страшный

Зять гробовщика торгует памятниками и надгробными плитами.

упадок. Он залез в долги по горло. Завтра, или послезавтра, явятся описывать его имущество, и это окончательно погубит его семью, и мою, погубит нашу честь, что для меня дороже всего. На вчерашнем семейном совете мы решили припрятать все ценное и дорогое. Так как все имущество моего тестя заключается в гробах, (он, как тебе известно, гробовых дел мастер, лучший в городе), то мы порешили припрятать самые лучшие гробы. Я обращаюсь к тебе, как к другу, помоги мне, спаси наше состояние и нашу честь! В надежде, что ты поможешь нам сохранить наше имущество, посылаю тебе, голубчик, один гроб, который прошу спрятать у себя и хранить впредь до востребования. Без помощи знакомых и друзей мы погибнем. Надеюсь, что ты не откажешь мне, тем более, что гроб стоит у тебя не более недели. Всем, кого я считаю за наших истинных друзей, я послал по гробу и надеюсь на их великодушные и благородство. Любящий тебя Иван Челюстин».

После этого я месяца три лечился от расстройства нервов, друг же наш, зять гробовщика, спас и честь свою, и имущество, и уже содержит бюро погребальных процессий и торгует памятниками и надгробными плитами. Дела его идут неважно, и каждый вечер теперь, входя к себе, я все боюсь, что увижу около своей кровати белый мраморный памятник или катафалк.

Н. ВОЛЖСКИЙ

Облегчение

В зимнем храме, у святой иконы,
Где царит немая тишина,
Чья-то мать в молитвенном поклоне
Изваяньем встала у окна.

Фимиа волной золотопенной
Льется в купол храма, где заря
Освещая мраморные стены
Золотит орнамент алтаря

И гудят родные перезвоны,
Точно в праздник голубой весны.
И, войдя, я тихо встал к колонне,
Чтоб ничем не тронуть тишины.

И увидел я, в седом рассвете,
Где лампы синие горят,
За старушкой скорбной, чья-то дети
Наклонивши головы стоят.

Обожженный ветром и морозом,
Я почуял, в пещи хоровом,
Как опять текут незримо слезы
По лицу в дыму пороховом.

Как любовь и радость пробудились.
Как легко вдруг стало мне стоять,
Как за нас Спасителю молилась
Чья-то дети и старушка мать.

И забылись раны и обиды,
Точно вновь облаканный судьбой,
Я родных и близких мне увидел
Снова в этих людях пред собой.

А когда священник в облачении,
Осенил меня святым крестом,
На колени встал я с облегченьем,
Пред рожденным в эту ночь Христом.

И упала с плеч моих усталость,
И родное встало предо мной,
И страна чужая показалась,
Стороной любимой и родной.

И когда понес меня в дорогу,
Боевой заиндивевший конь.
Я все слышал: «Слава в вышних Богу»
И священный чувствовал огонь.

И хотел я быть непобедимым,
Чтобы кровью вымытый наш путь
Нас довел до Родины любимой,
Где бы все опять могли вздохнуть.

Дед Мороз на Елке

ДЕТСКАЯ ПОЧТА

Дорогие дети

Поздравляю вас с праздником Рождества Христова!
Сегодня могу вам сообщить (по секрету, конечно,) большую и приятную новость: на нашей рождественской елке будет присутствовать Дед-Мороз. Он нам расскажет много интересных рассказов, загадок, да вот он и сам пришел!

Здравствуй, ребята-пострелы,
Девочки и мальчики,
Попрыгуньи и шалунишки
Весело вам, вижу, на елке!
Ишь разыгрались — щечки розовые.
Не послушаете ли теперь Деда-

Мороза!
Эй, подойди-ка сюда, курносый!
Может есть ко мне какиенибудь вопросы?
Нет? Так я для порядка
Задам вам сначала загадку:
«Скатерть белая
Все поле одела».

Знаете?
У меня, ребята,
Есть два младших брата.
Вот про них то сейчас
И послушайте рассказ.

Два мороза

Гуляют по чистому полю два мороза, два родные брата, с ноги на ногу поскокаивают, рука об руку покалачивают.

Говорит один Мороз другому:
— Братец Мороз Багровый нос!
Как бы нам позабавиться, людей поморозить?

Отвечает другой:
— Братец Мороз-Синий нос! Коль людей морозить, не по чистому нам полю гулять. Поле все снегом занесло, все проезжие дороги замело; никто не пройдет, не проедет. Побежим-ка лучше к темному бору. Там хоть и меньше простору, да забавы будет больше. Все нет-нет, да кто-нибудь и встретится на дороге.

Сказано — сделано.
Побежали два Мороза, два родные брата, в темный бор.

Бегут, дорогой тешатся, с ноги на ногу попрыгивают, по елкам, по сосенкам пощелкивают. Старый ельник трещит, молодой сосняк поскрипывает. По рыхлому снегу пробегут — кора ледяная; былинки-ль из-под снега выглядывают, дунут — словно бисером ее всю унижут.

Вот слышат они с одной стороны колокольчик, а с другой — бубенчик; с колокольчиком барин едет, с бубенчиком — мужичек. Стали Морозы судить да рядить: кому за кем бежать, кому кого морозить.

Мороз-Синий нос, помоложе, который говорит:

— Мне бы лучше за мужичком погнавшись. Его скорей дойму; полубубок на нем старый, заплатанный, шапка вся в дырах — на ногах, кроме лаптишек, ничего. А уж ты, братец, как посылнее меня, за барином беги. На нем, вишь, шуба медвежья, шапка лисья, сапоги волчьи. Мне уж с ним не совладать.

Мороз-Багровый нос только посмеивается.

— Молод еще ты, — говорит, — братец! Ну, да уж быть по твоему: беги за мужиком, а я побегу за барином. Как сойдемся под вечер — узнаем, кому легка была работа, кому тяжела. Прощай покамест!

— Прощай, братец!

Свистнули, щелкнули, побежали. Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистом поле. спрашивают друг друга:

— Что? То-то, я думаю, намаялся ты, братец, с барином-то, — говорит младший, — а толку, глядишь, не вы-

шло никакого. Где его было проныть!

Старший посмеивается себе.
— Эх, братец, Мороз-Багровый нос! Плохую ты со мной шутку шутил, что во-время не образумил. Думал — заморожу мужика, вышло — он же мне обломал бока.

— Как так?

— Да, так. Ехал он, сам ты видел, дрова рубить. Дорогой начал было я его принимать, только он все не ро-беет, — еще ругается: «Такой, — го-ворит, — сякой этот мороз!» Совсем даже обидно стало; принялся я его луше щипать да колоть. Только не надолго была мне эта забава. При-ехал он на место, вылез из саней, при-нялся за топор. Я то думаю, тут мне и сломить его. Забрался к нему под полубубок, давай его язвить. А он то топором машет — только щепки летят, стал даже пот его пробирать. Ви-жу — плохо, не усидеть мне под полу-бубком. Под конец инда пар от него повалил. Я прочь скорее. Думаю, как быть? А мужик все работает да работает; чем бы зябнуть, а ему жар-ко стало. Гляжу — скидает с себя по-лубубок. Обрадовался я. «Погоди же, — говорю, — вот я тебе покажу себя!»

Полубубок весь мокрехонок. Я в него забрался и заморозил так, что он стал лубок лубком. Надевай же те-перь, попробуй! Как покончил свое дело да пошел к полубубку, у меня сердце так и вздрогало: то-то поте-шусь. Посмотрел мужик и принялся меня бранить. «Ругайся, — думаю я себе, — ругайся, а меня все таки не выживешь!» А он выбрал палку по-

сих песнопений и не увидим священ-ных огней.

Когда уселись мы, одинокие, на ба-бушкином диване, бабушка начала рассказывать:
«Однажды глубокой ночью чело-век пошел искать огня. Он ходил от одного дома к другому и стучался:
— Добрые люди, помогите мне! — говорил он. — Дайте мне горячих углей, чтобы развести огонь: мне нужно согреть только что родившегося Младенца и Его Мать.

Ночь была глубокая, все люди спа-ли, и никто ему не отвечал.
Человек шел дальше и дальше. На-конец увидел он вдали огонек. Он на-правился к нему и увидел, что это ко-стер. Множество белых овец лежало вокруг костра; овцы спали, их сторо-жил старый пастух.

Человек, искавший огня, подошел к стаду; три огромные собаки, ле-жавшие у ног пастуха, вскочили, за-слыша чужие шаги; они раскрыли свои широкие пасти, намереваясь за-лаять, но звук лая не нарушил ноч-ной тишины. Человек увидел, как шерсть поднялась на спинах собак, как засверкали в темноте ослепитель-ной белизны острые зубы. Собаки бросились на незнакомца. Одна из них схватила его за ногу, другая — за руку, третья — вцепилась ему в горло; но зубы и челюсти не слуша-лись собак, они не смогли укунить не-знакомца и не причинили ему ни ма-лейшего вреда.

Человек хотел подойти к костру, чтобы взять огня. Но овцы лежали так близко одна к другой, что спины их соприкасались, и он не мог даль-ше итти вперед. Тогда человек за-брался на спины животных и пошел по ним к огню. И ни одна овца не проснулася и не пошевелилася».

До сих пор я, не перебивая, слу-шала рассказ бабушки, но тут я не могла удержаться, чтобы не спро-сить:
— Почему не пошевелились овцы?
— спросила я бабушку.

— Это ты узнаешь немного пого-дя, — ответила бабушка и продолжа-ла рассказ:
«Когда человек подошел к огню, его заметил пастух. Это был старый, угрюмый человек, который был суров и жесток ко всем людям. Завидя чужого человека, он схватил длинную остроконечную палку, которой гонял свое стадо и с силой бросил ее в не-знакомца. Палка полетела прямо на человека, но, не коснувшись его, скользнула в сторону и упала где-то далеко в поле».

В этом месте я снова перебила ба-бушку:
— Бабушка, почему палка не уда-рила человека? — спросила я; но ба-бушка мне ничего не ответила и про-должала свой рассказ.

«Человек подошел к пастуху и ска-зал ему:
— Добрый друг! Помогите мне, дай мне немного огня. Только что родил-ся младенец; мне надо развести огонь, чтобы согреть Младенца и Его Мать.

Пастух охотнее всего отказал бы незнакомцу, но когда он вспомнил, что собаки не смогли укунить этого человека, что овцы не разбежались перед ним и палка не попала в него,

как будто не захотела ему повредить, пастуху стало жутко, и он не осме-лился отказать в просьбе незнакомца.
— Возьми, сколько тебе надо!
Пастух со злорадством думал, что человек не сможет взять огня. Но не-знакомец нагнулся, голыми руками достал из пепла горячих углей и по-ложил их в край своего плаща. И уголья не только не обожгли ему руки, когда он их доставал, но не прожгли и плаща, и незнакомец по-шел спокойно назад, как-будто нес в плаще не горячие угли, а орехи или яблоки».

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

длиннее да посуковатее, да как при-мется по полубубку бить. По полу-шубку бьет, а меня все бранит. Мне бы бежать поскорей, уж больно я в шерсти-то завяз, — выбраться не мо-гу. А он-то колотит. Насылу я ушел, думал, костей не соберу: до сих пор бока ноют.

Ну, как, ребята,
Слушать не скучновато?
Сейчас я вам
Еще загадку задам:
Какое дерево зимой и летом
Все одним цветом?

Вот интересно!
Уж это дерево наверное
Вам неизвестно
Ну, детишки, а сейчас
Я хотела бы услышать рассказ
От когонибудь из вас.

Ну-ка, девочка, как
зовут тебя?
Нина!
Ишь какие глазенки
синие

Прямо как море,
точь в точь!
Как называется твой рассказ?

Святая ночь

Это было в Рождественский сочель-ник. Все уехали в церковь, кроме ба-бушки и меня. Я думаю, что мы вдво-ем были во всем доме; только мы с бабушкой не могли поехать со всеми, потому что она была слишком стара, а я слишком мала. Обе мы были огор-чены, что не услышим рождествен-

ских песнопений и не увидим священ-ных огней.

Когда уселись мы, одинокие, на ба-бушкином диване, бабушка начала рассказывать:
«Однажды глубокой ночью чело-век пошел искать огня. Он ходил от одного дома к другому и стучался:
— Добрые люди, помогите мне! — говорил он. — Дайте мне горячих углей, чтобы развести огонь: мне нужно согреть только что родившегося Младенца и Его Мать.

Ночь была глубокая, все люди спа-ли, и никто ему не отвечал.
Человек шел дальше и дальше. На-конец увидел он вдали огонек. Он на-правился к нему и увидел, что это ко-стер. Множество белых овец лежало вокруг костра; овцы спали, их сторо-жил старый пастух.

Человек, искавший огня, подошел к стаду; три огромные собаки, ле-жавшие у ног пастуха, вскочили, за-слыша чужие шаги; они раскрыли свои широкие пасти, намереваясь за-лаять, но звук лая не нарушил ноч-ной тишины. Человек увидел, как шерсть поднялась на спинах собак, как засверкали в темноте ослепитель-ной белизны острые зубы. Собаки бросились на незнакомца. Одна из них схватила его за ногу, другая — за руку, третья — вцепилась ему в горло; но зубы и челюсти не слуша-лись собак, они не смогли укунить не-знакомца и не причинили ему ни ма-лейшего вреда.

Человек хотел подойти к костру, чтобы взять огня. Но овцы лежали так близко одна к другой, что спины их соприкасались, и он не мог даль-ше итти вперед. Тогда человек за-брался на спины животных и пошел по ним к огню. И ни одна овца не проснулася и не пошевелилася».

До сих пор я, не перебивая, слу-шала рассказ бабушки, но тут я не могла удержаться, чтобы не спро-сить:
— Почему не пошевелились овцы?
— спросила я бабушку.

— Это ты узнаешь немного пого-дя, — ответила бабушка и продолжа-ла рассказ:
«Когда человек подошел к огню, его заметил пастух. Это был старый, угрюмый человек, который был суров и жесток ко всем людям. Завидя чужого человека, он схватил длинную остроконечную палку, которой гонял свое стадо и с силой бросил ее в не-знакомца. Палка полетела прямо на человека, но, не коснувшись его, скользнула в сторону и упала где-то далеко в поле».

В этом месте я снова перебила ба-бушку:
— Бабушка, почему палка не уда-рила человека? — спросила я; но ба-бушка мне ничего не ответила и про-должала свой рассказ.

«Человек подошел к пастуху и ска-зал ему:
— Добрый друг! Помогите мне, дай мне немного огня. Только что родил-ся младенец; мне надо развести огонь, чтобы согреть Младенца и Его Мать.

Пастух охотнее всего отказал бы незнакомцу, но когда он вспомнил, что собаки не смогли укунить этого человека, что овцы не разбежались перед ним и палка не попала в него,

как будто не захотела ему повредить, пастуху стало жутко, и он не осме-лился отказать в просьбе незнакомца.
— Возьми, сколько тебе надо!
Пастух со злорадством думал, что человек не сможет взять огня. Но не-знакомец нагнулся, голыми руками достал из пепла горячих углей и по-ложил их в край своего плаща. И уголья не только не обожгли ему руки, когда он их доставал, но не прожгли и плаща, и незнакомец по-шел спокойно назад, как-будто нес в плаще не горячие угли, а орехи или яблоки».

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

как будто не захотела ему повредить, пастуху стало жутко, и он не осме-лился отказать в просьбе незнакомца.

— Возьми, сколько тебе надо!
Пастух со злорадством думал, что человек не сможет взять огня. Но не-знакомец нагнулся, голыми руками достал из пепла горячих углей и по-ложил их в край своего плаща. И уголья не только не обожгли ему руки, когда он их доставал, но не прожгли и плаща, и незнакомец по-шел спокойно назад, как-будто нес в плаще не горячие угли, а орехи или яблоки».

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:
— Бабушка! Почему не обожгли уг-ли человека и не прожгли ему плащ?
— Ты скоро это узнаешь, — отве-тил старый пастух.

глаза и уши, и он увидел то, что рань-ше не мог видеть, и услышал то, че-го раньше не мог слышать.

Он увидел, что пещеру окружают множество ангелов с серебряными крыльями, в белоснежных одеждах. Все они держат в руках арфы и гром-ко поют, словословия родившегося в эту ночь Спасителя Мира, Который освободит людей от греха и смерти.

Тогда поняла пастух, почему все жи-вотные и предметы в эту ночь были так добры и милосердны и не хотели никому причинить вреда.

Ангелы были всюду: они окружали Младенца, сидели на горе, парили под небесами. Всюду было ликование и веселье, пение и музыка; темная ночь сверкала теперь множеством небес-ных огней, светилась ярким светом, исходившим от ослепительных одежд ангелов. И все это увидел и услышал пастух в ту чудесную ночь, и так был рад увиденному и услышанному, что упал на колени, благодаря Бога».

Тут бабушка вздохнула, и сказала:
— То, что увидел тогда пастух, могли бы и мы увидеть, потому что Ангелы каждую рождественскую ночь летают над землей и слышат слова Спасителя, но если бы мы были до-стойны этого.

И бабушка положила свою руку мне на голову и сказала:
— Заметь себе, что все это такая же правда, как то, что я тебя вижу, и ты меня. Ни свечи, ни лампы, ни солнце, ни луна не помогут человеку; только чистое сердце открывает очи, которыми может человек наслаждать-ся лицезрением красоты небесной.

Рассказала отлично и чинно
Ай-да Ниночка,
Вот молодчина!
Ребята,
хотите
услышать и стихотворенья?
Да? Тогда послушайте:

Катанье с гор
По средине двора
Ледяная гора
Возвышается,
И народ молодой
На горе ледяной
Потешается,
Все хохочут, шумят,
Маша с братцем сидят
На салазочках
И летят словно пух,
И у Машеньки дух
Занимается.
Маша трусит, кричит,
А братишка сидит —
Усмехается.

Говорит ей: «Сестра!
Перестать бы пора
Быть трусихой...
Вот и кончат их путь,
Можно ей отдохнуть,
Да не хочется;
Позабывши свой страх,
Прокатиться в санях
Снова просится».

Ну, вот и сказ окончен мой
Пора, пожалуй и домой,
Наверное и вам
Давно уж пора по домам?
До свиданья, детишки, меня не
забывайте
«Детскую почту» прилежно
читайте.

Может наведуюсь к вам еще
гостем незваным.
А пока, до свиданья.

Ну, как ребята? Понравился Дед-Мороз? Интересно рассказывал?? А посмотрите, детки, какая молодец Нина, не испугалась Деда-Мороза, интересный рассказ рассказала, и даже ни разу не смутилась.

Вот и вам, ребятки, нужно учить наизусть интересные рассказы или стишки, запоминать, что вам взрос-лые рассказывают, а потом переска-зывать своим товарищам.

До свиданья, ребята, желаю вам провести весело праздники.

Ваша
тетя Маня

ХРИСТОСЛАВЫ

Вот уже полвека прошло, а не стираются в душе воспоминания детских лет перед праздником Рождества Христова.

Еще восьмилетним мальчиком в компании со сверстниками забирались мы в такое место, где никто не мог бы нам помешать. А работали мы усердно и старались отличаться друг перед другом. Изобретательности не было конца. В руках у каждого было по старому решетку. Сначала мы прорезывали в этом решетке специальные окна для будущих излучин звезды. Затем, настругав палочек, приделывали их к решетке, внизу вставлялась рукоятка и к ней прикреплялся металлический подсвечник. Когда остов был закончен, начиналось обклеивание звезды цветной бумагой. На переднем плане во весь диаметр решета приклеивалась промасленная картинка, изображающая Рождество Христово, купленная заранее на ярмарке, а затем пестрой папиросной бумагой обклеивались самые излучины. Простора для фантазии было достаточно. Кто украшал концы излучин бумажными кистями, кто приделывал на них оклеенные золотом картонные звездочки. Такие же бумажные звездочки наклеивались и на прозрачную цветную бумагу. Когда звезда была готова, в нее вставлялась свеча, свет этой свечи делал звезду настолько яркой и праздничной, что мы принимались от удовольствия прыгать.

Закончив работу, необходимо было звезду спрятать так, чтобы не нашли ее ни младшие, ни старшие. Младшие могли порвать тонкую бумагу, а старшие, увидев заранее звезду, лишки бы нас той радости и эффекта, которая вызывала приготовленная нами собственноручно рождественская звезда.

Еще с утра в рождественский сочельник усиленно бились наши маленькие сердца. По заведенному исстари обычаю, в сочельник не полагалось есть до звезды. И в этот день, как-то особенно медленно тянулось время. Но вот появилась звезда, мы выносили из заветного места свою кропотли-

вую работу, зажигали в своих звездах свечи и выходили на улицу.

Уже много лет спустя я всегда любилась этой прелестной картинкой бегущих по земле пестрых звезд, и день сочельника памятен и по сегодня. Но в те времена все внимание было посвящено своей звезде, как бы неосторожно не поджечь ее, как бы не споткнуться в сугробах снега и не упасть вместе с нею.

Со звездами ходили группами, заранее сговорившись. В моей компании было шесть человек. Мы заходили в дома, где, увидев звезды, нас приветливо встречали, указывая на красный угол. Шесть детских голосов запевавали рождественский тропарь, а затем поздравляли с праздником хозяина и хозяйку.

За христославление нам дарили, где пятак, а где и больше. Так переходя из дому в дом мы доходили до центральной части города и попадали в торговые ряды. Тут уже не было возможности выступать отдельной группой и мы соединялись по несколько групп.

Так славили Христа в нашем небольшом городке, в Порхове Псковской губернии. Взрослые, особенно сочувственно относились к малышам, так как сами, глядя на них, вспоминали свое детство. Традиция христославления продолжалась вплоть до великой октябрьской революции. Большевиком погасил звезды маленьких христославателей и нацепил на многих кровавую пятиконечную звезду. Но она никого не радовала и не согревала. Большевики отняли от детей и радость рождественской елки, только потом ввели ее снова, но уж как новогоднюю.

Займованная нами у Западной Европы рождественская елка всегда была символом семейного уюта и детской радости. Большевики ее сделали орудием пропаганды и елка с тех пор стала общественной нагрузкой, утратив свой первоначальный уют, сердечность и символ христианской любви.

М. Петрович

Артисты и...

Шуточка О ДЕДУШКЕ КРЫЛОВЕ

Знаменитый русский баснописец Иван Андреевич Крылов не отличался особым прилежанием к наукам и, как он сам о себе говорил, его сокровенным желанием было избрать себе не особенно обременительную службу деда - мороза.

— Во-первых, служба только раз в году, а во-вторых, все любят, ждут и за все благодарны, — это ли не идеал служения человечеству!... Служа каждый день, сколько мы делаем вреда, его не перечтешь! А тут один единственный вечер и ты любим на всю жизнь...

Когда его спросили, почему же он действительно не избрал себе это завидное амплу, Иван Андреевич тяжело вздохнул и сказал, что на это были особо серьезные и веские причины: его нагло обманули...

— Ищите женщину, ищите женщину, как говорят французы, во всех перипетиях, несчастиях людей и неустрашенности их жизни, — сказал он и рассказал почти что святочный рассказ:

— Учился я еще в подготовительном классе и перед Рождеством учитель пригласил меня в свою комнату и сказал: «Вот что, Ванюша, мальчик ты ничего себе, говоришь чуть ли не басом, а учишься еще как маленький... У меня для тебя есть задача и если ты с нею справишься, я тебе за полугодие по арифметике поставлю тройку».

Задача состояла в том, что мне необходимо было стать дедом - морозом и раздать тридцать рождественских подарков. Такая должность меня уже давно прельщала.

Мой приезд был прекрасно инсценирован: весь в снегу, с целым возом подарков вхожу я в зал, едва волоча полшубок сторожа Дементия.

Десятки глупых и восторженных пригостишек глядят мне в рот, как в банку с вареньем, а у девочек даже слюнки текут. Я герой, мечта всех детских сказок, легенд и надежд...

Мне читают стихи, поют, танцуют, я снисходительно раздаю подарки, а некоторым сорванцам — моим врагам — грожу розгами.

— А где Ваня Крылов? — спрашиваю я.

— Опоздал! Не пришел! Заболел! — Ну, передайте ему тоже подарок, — говорю я и даю игрушечного коня и конфеты, гармонику и барабан.

И тут вдруг выскакивает пиголица Маня Костылева (до сих пор запомнил эту первую интригантку, встретившуюся на моем пути) и говорит:

— Дедушка - Мороз, он гадкий: меня таскает за косы, уроков не учит, не знает что дважды — два — семь, и ножиком режет парту... Ему не надо подарка... И потом у него двой-

ка по арифметике... а таким, сказал учитель...

Я говорю, что он исправится, что это ничего, что учитель обещал поставить тройку, если Дед - Мороз об

этом попросит, а сам еле удерживаюсь, чтобы не вцепиться в противные Манины космы.

Раздав подарки, я направился в учительскую и вскоре принял свой обыкновенный вид и вприпрыжку бросился в зал искать свои подарки, радуясь, что сразу убил двух зайцев:

по арифметике исправил двойку и одарил себя лошадью, гармонику и барабаном.

Однако, мои поиски не дали никакого результата: игрушки уже были разделены между мальчиками, а конфеты и пряники уже разместились в ненасытных утробах девочек, конечно, под энергичным и коварным водительством известной вам Мани. Она еще не постеснялась сообщить мне, что Дедушка - Мороз, очень рассердился, что я не пришел и будто бы сказал: «Я знаю этого Ваню, этого лентяя и гадкого мальчишку...»

— Хорошо, что тебя не было, — продолжала Маня, — а то бы он тебя тут же под елкой выпорол... — При этом Маня сочувственно покачала головой, и ее косички защебетали не только мое обманутое сердце, но и руки.

Рассердившись, я оттягал Маню за косы, она расцарапала мне нос, и в результате я так и остался при двойке и без рождественских подарков.

— Так я и решил стать просто дедушкой, — закончил И. А. Крылов и действительно: кто не знает теперь «дедушку Крылова», кому и памятник можно поставить уже за одно то, что он так горячо обличал неправду и Маню, и других, ей подобных, неискренних людей...

И. Дубров.

Сочельник в СТАРИНУ

Морозно... Последние лучи яркого холодного солнца залили нежным багрянцем верхушки лесных великанов... Лес, точно заколдован, не шелхнется; все сквано зимним убором в святочную ночь.

И вдруг эту торжественную тишину угасающего зимнего дня нарушают бубенцы и колокольчики тройки, выехавшей за ворота парка...

Впереди раскинулись просторы Чудского озера; следы полозьев уходят в даль, куда, где за морозной синевой и мглой тянутся громады лесов...

Вдали затеплились огни древнего Троицкого собора и Мирожского монастыря. Несутся торжественные мерные звуки набата; так слышал набат монастыря в дни седой старины, когда враги шли на Святую Русь, так звучал он похоронным напевом на поле брани, где со славою полегло много бойцов под стенами обители, защищая веру Христову и родную землю...

На зов колокола потянулись обозы богомольцев от Великой, от Валдая и Чудова.

Несутся звуки песнопений Велико-го повечерья: «С нами Бог, разумеете языки и покоряйтесь, яко с нами Бог!» Поют истоиво, с умилением иноки, вторят им голоса молящихся из Коровья Села, из Хрястолова, из Красной Березы.

В храме тепло, ярко теплятся свечи воску яркого, пахнет ладаном, лампадным маслом и детем смазных сапог... Как прекрасны русские лица девушек в сарафанах и душегрейках... Мужики истоиво крестятся, на лицах — «мир и благоволение».

«... Христос рождается, славите; Христос в небесе зрящите».

Дородным величественным изваянием высится отец, вывода могучим басом: «Ал-ли-лу-я».

«Дева здесь рождает Пресуществленного Сына...» торжественно возвещает многоголосный лик иноков...

Святая Русь славит Рождение Христа.

Гаснут огни. Догорели последние свечи... Чтец с бороною патриарха склоняясь над минеей, читает: «Ироду правящему в Иерусалиме... бысть знамение в Вифлееме... явившихся звезда с Востока».

Бессмертно, сказочно горят звезды святой ночи... Мороз крепчает... Кони, чуя волков, храпят и несутся стрелой... Вдали показались огни родного дома... В доме тепло, уютно, по-праздничному тихо... На душе мирно, спокойно в Рождественскую ночь.

«Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение».

А. Гросс.

Тамара Шмелинг

Светелка

У меня в душе светелка
Редкой красоты.
В ней — рождественская елка,
Возле елки — ты.

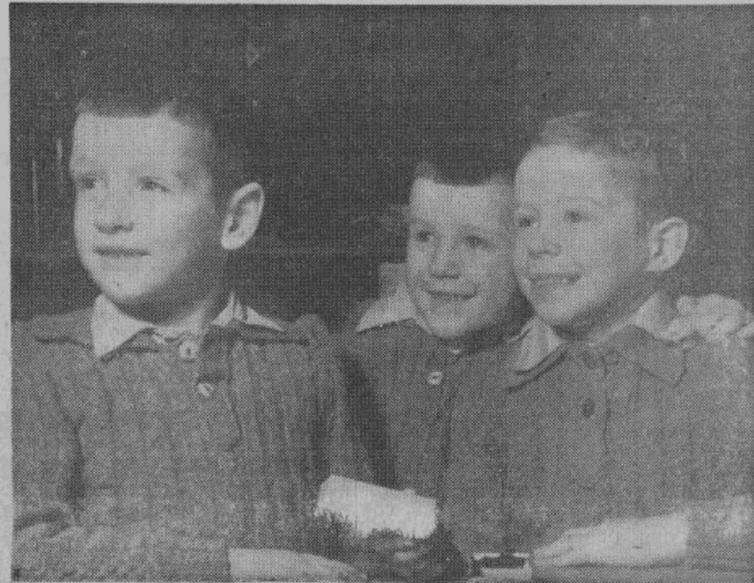
Руки мне кладешь на плечи,
Смотришь все теплей...
И горят на елке свечи
Все светлей, светлей...

И проходят дни и ночи,
Годы и века...
Эти дружеские очи,
Добрая рука...

В избушке маленькой на курьих
ножках
Совсем обобненный сегодня вечер...
Так много грусти, радости не-
много
Из-за короткой и случайной встре-
чи...

Огонь пылающей в печи березы
Не веселит причудливым узором.
Сегодня видеть мне мешают слезы,
Я занята неслышным разговором!...

Невидимому улыбаюсь гостю,
Веду его в свои родные дали...
И кто-то чертит тонкой, острой
тростью
Слова, которых вы мне не сказали...

...зрители